ПЛАТОНЪ

ПИРЪ

БЕСѢДА О ЛЮБВИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО
И. Д. ГОРОДЕЦКАГО

КНИГОИЗ-СТВО
„ДИЛЕТАНТЪ“
МОСКВА 1908

ПИРЪ

Предлагаемый переводъ лучшаго изъ произведеній Платона сдѣланъ съ греческаго и снабженъ нѣкоторыми примѣчаніями. Переводчикъ имѣлъ подъ руками наиболѣе цѣнные иностранные переводы и комментаріи: Шлейермахера, поэта Шелли, проф. К. Prantl'я, Dacier et Grou, редактированные проф. Saisset, и русскій переводъ проф. В. Н. Карпова, изданный въ 1863 году. Глубочайшая интуиція, несравненная поэтическая красота языка и стройность рѣчи ставятъ произведеніе безсмертнаго греческаго философа на недосягаемую высоту и дѣлаютъ его неувядающимъ, вѣчнымъ.

Ив. Городецкій.

ЛИЦА участвующія:

1) Во вступительномъ разговорѣ: (400 до Р. Х.).

Друзья Аполлодора, изъ которыхъ говоритъ только одинъ.

Аполлодоръ, разсказчикъ, слышавшій въ свое время разсказъ о пирѣ отъ Аристодема.

2) Въ бесѣдѣ во время пира (416 до Р. Х.).

Аристодемъ, другой разсказчикъ, бывшій участникомъ пира.

Сократъ.

Агатонъ, драматургъ, молодой поэтъ.

Федръ.

Павзаній.

Эриксимахъ, врачъ, сынъ Акумена, другъ Федра.

Аристофанъ.

Діотима.

Алкивіадъ.

Нѣкоторые другіе.

I. Аполлодоръ[1]). Мнѣ думается, что я отчасти уже подготовленъ къ тому, о чемъ вы[2]) спрашиваете меня. Шелъ я, видите ли, какъ-то на-дняхъ отъ себя изъ дому изъ Фалеры[3]) въ городъ. Одинъ[4]) изъ моихъ пріятелей, шедшій позади меня, замѣтилъ меня издалека и шутя крикнулъ мнѣ вдогонку: „Охъ, этотъ фалеріецъ[5]) Аполлодоръ, чтобы тебѣ подождать"! Я остановился и сталъ поджидать его. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „А я еще недавно разыскивалъ тебя, Аполлодоръ, желая разспросить тебя о томъ, какія-такія рѣчи велись на

---

1) Ученикъ и горячій приверженецъ Сократа.

2) Нѣкоторые изъ друзей Аполлодора. Одинъ изъ нихъ ведетъ съ нимъ разговоръ.—Платонъ сразу вводитъ насъ въ самую суть разговора. Разсказываетъ Аполлодоръ. Друзья просили его разсказать нѣкоторыя подробности про тѣ рѣчи, которыя велись на пирушкѣ у Агатона о любви. Аполлодоръ отвѣчаетъ на это скромно: на самомъ дѣлѣ, онъ прекрасно подготовленъ къ разсказу.

3) Гавань Аѳинская, въ часѣ ходьбы отъ Аѳинъ.

4) Главконъ.

5) Игра словъ, не переводимая по-русски въ связи съ греческимъ словомъ *φαλαρίς*—водяная курица, получившая такое названіе за свою лысину: *φαλαρός*—блестящій, свѣтящій, лысый, плѣшивый. Сравни наше „господинъ Плѣшаковъ". Нѣкоторые видятъ соль остроты въ напускной оффиціальной торжественности.

собраніи у Агатона[1]) въ тотъ разъ, когда тамъ присутствовали Сократъ, Алкивіадъ и другіе. Мнѣ уже передавалъ о нихъ одинъ человѣкъ, слышавшій отъ Финика[2]), сына Филиппа; онъ говорилъ, что и ты знаешь о нихъ. Но самъ онъ ничего не могъ передать мнѣ толкомъ, поэтому разскажи ты мнѣ: тебѣ вѣдь болѣе всего и подобаетъ докладывать о рѣчахъ своего друга[3]). „А прежде всего", прибавилъ онъ, „скажи: самъ ты присутствовалъ ли на этой бесѣдѣ или нѣтъ?"—На это я сказалъ: „Видно, разсказчикъ твой не передалъ тебѣ рѣшительно ничего толкомъ, разъ ты полагаешь, это собраніе, о которомъ ты спрашиваешь, было такъ недавно, что я могъ тамъ присутствовать".—Разумѣется, такъ.—„Куда мнѣ, милый Главконъ!" отвѣчалъ я: „развѣ тебѣ не извѣстно, что прошло уже много лѣтъ, какъ Агатонъ и не пріѣзжалъ сюда. А съ тѣхъ поръ, какъ я бываю въ обществѣ Сократа и старательно слѣжу за тѣмъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, не прошло еще и трехъ лѣтъ. До этого же времени я билъ баклуши, бродя безцѣльно и воображая, что дѣлаю дѣло, жалкій не менѣе всякаго другого, не менѣе и тебя съ твоимъ взглядомъ, будто заниматься философіей—послѣднее дѣло!"—Будетъ тебѣ балагурить, прервалъ онъ, скажи

[1]) Агатонъ, наряду съ Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ, крупнѣйшій греческій трагикъ, младшій современникъ Эврипида, сынъ аѳинянина Тизамена, род. 448 до Р. Х., уже молодымъ человѣкомъ (416) за первую трагедію получилъ награду, съ 408 жилъ при дворѣ царя Македонскаго Архелая въ Пеллѣ вмѣстѣ съ Эврипидомъ и умеръ лѣтъ 47—48 около 400.

[2]) О немъ мы ничего не знаемъ.

[3]) Т.-е. Сократа.

мнѣ лучше, когда происходило самое собраніе.—Тогда я сказалъ: „Происходило оно еще во время нашего дѣтства [1]), когда Агатонъ получилъ награду [2]) за свою первую трагедію, а именно на другой день послѣ того, какъ онъ вмѣстѣ съ членами хора принесъ благодарственную жертву за одержанную побѣду".—Такъ это было,—сказалъ онъ, очень давно. Но кто же тебѣ разсказывалъ? быть, можетъ самъ Сократъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ я, но тотъ же, кто разсказывалъ о немъ и Финику, какой-то Аристодемъ, изъ Кюдатенея, человѣкъ небольшого роста, всегда босоногій. Онъ былъ на этомъ собраніи, будучи тогда, какъ мнѣ кажется, однимъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ Сократа. Впрочемъ, о томъ, что мнѣ пришлось слышать отъ него, послѣ кое-что разспрашивалъ я и у Сократа; Аристодемъ принадлежалъ къ числу тѣхъ учениковъ, которые подражали своему учителю даже во внѣшности, и онъ подтвердилъ мнѣ его разсказъ".—Почему же, спросилъ онъ,—тебѣ не разсказать мнѣ объ этой бесѣдѣ? Вѣдь самая дорога въ городъ невольно располагаетъ идущихъ и говорить и слушать.—Такимъ образомъ, дорогой мы вели разговоръ обо всемъ этомъ, и я, какъ я уже сказалъ, подготовленъ къ этому до нѣкоторой степени. И если вы желаете, чтобы я разсказалъ объ этомъ и вамъ, я готовъ это сдѣлать. Я вообще бываю чрезвычайно радъ, когда или самому мнѣ приходится говорить что-нибудь о философіи, или слушать о ней

---

[1]) А именно—во время дѣтства Аполлодора и Главкона. Тогда и Платонъ (род. 427) былъ еще мальчикомъ.

[2]) Побѣда Агатона приходится на 416 г.

отъ другихъ, не говоря уже о томъ, что я надѣюсь извлечь отсюда и пользу. А когда мнѣ приходится выслушивать рѣчи о чемъ-нибудь иномъ, въ особенности отъ васъ, богачей и дѣльцовъ, мнѣ бываетъ досадно и на самого себя и жаль васъ, друзей моихъ, потому что вы тратите тогда время попусту. Быть-можетъ, и вы съ своей стороны считаете меня несчастнымъ, я полагаю даже, что ваше предположеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ свои основанія, относительно же васъ у меня не предположеніе, а твердое убѣжденіе.

Другъ. Ты—все тотъ же, Аполлодоръ: всегда ты порицаешь и самого себя и другихъ и, повидимому, ты рѣшительно всѣхъ, кромѣ Сократа, считаешь несчастными, и прежде всего, самого себя. Почему дали тебѣ прозвище «неистоваго», этого я не знаю, но въ рѣчахъ своихъ ты дѣйствительно показываешь себя таковымъ: ты всегда негодуешь и на себя самого и на всѣхъ другихъ, кромѣ Сократа.

Аполлодоръ. Ахъ, дорогой мой, ужъ само собой разумѣется, разъ я такъ мыслю и о себѣ самомъ и о васъ, я долженъ и сходить съ ума и неистовствовать.

Другъ. Но теперь, Аполлодоръ, не стоитъ говорить объ этомъ, а лучше исполни то, о чемъ мы просили тебя, и разскажи, какія тогда велись тамъ рѣчи.

Аполлодоръ. А вотъ какія... А, впрочемъ, и я постараюсь разсказать вамъ все съ начала такъ, какъ тотъ мнѣ разсказывалъ.

II. А именно онъ передавалъ: повстрѣчался мнѣ Сократъ, пріумытый и обутый въ сандаліи, что онъ дѣлалъ рѣдко, и я спросилъ его: куда онъ идетъ такой

пріодѣтый. А онъ отвѣчалъ: „На пиръ въ домъ Агатона,—такъ какъ вчера я изъ страха передъ сутолокой убѣжалъ съ жертвоприношенія по случаю побѣды, но сегодня пообѣщалъ прійти. Поэтому-то я и принарядился, чтобы къ красивому прійти красивымъ. А ты, Аристодемъ, добавилъ онъ, имѣешь ли ты что-нибудь противъ того, чтобы пойти со мною на пиръ безъ приглашенія?"—Это ужъ какъ тебѣ будетъ угодно,—отвѣчалъ онъ.—„Такъ пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ, и исказилъ немного пословицу такимъ измѣненіемъ, что «къ столу добрыхъ *(ἀγαθῶν, Ἀγάθων)* люди добрые *(ἀγαθοί)* идутъ сами собой" [1]). Вѣдь, Гомеръ повидимому, не только исказилъ эту пословицу, но даже посмѣялся надъ нею, а именно, изобразивъ [2]) Агамемнона воинственнымъ героемъ, а Менелая слабымъ воякой, онъ заставилъ послѣдняго, въ то время какъ Агамемнонъ приносилъ жертву и давалъ пиръ, прійти къ его столу незванымъ,—заставилъ худшаго прійти къ лучшему».—Выслушавъ это, Аристодемъ сказалъ: —Однако, быть-можетъ, покажется, будто я поступаю не такъ, какъ этого хотѣлъ бы ты, дорогой Сократъ, но какъ говоритъ Гомеръ: иду, будучи человѣкомъ зауряднымъ, на пиръ къ человѣку, выдающемуся своимъ умомъ. Ты ведешь меня—ты и думай, что сказать тамъ въ мое оправданіе. Самъ я не признаюсь, что пришелъ туда незванымъ, а скажу, что явился туда по твоему приглашенію.—„Разъ намъ приходится итти вдвоемъ,

[1]) Пословица выражалась такъ: *αὐτόματοι ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαῖτας ἴασι.*

[2]) Иліада II, 408 и слѣд.

сказалъ онъ, то давай ужъ пообсудимъ между собой, что говорить. Пойдемъ только".

Обмѣниваясь такимъ приблизительно разговоромъ, говоритъ, они пошли далѣе. Сократъ же, отдавшись по дорогѣ своимъ мыслямъ, сталъ отставать, и когда онъ хотѣлъ ждать его, говорилъ ему, чтобы онъ шелъ впередъ. А когда онъ пришелъ къ дому Агатона, онъ нашелъ дверь отворенною, и тутъ, говоритъ, съ нимъ случилась курьезная исторія. А именно къ нему выбѣжалъ навстрѣчу одинъ изъ домашнихъ слугъ и провелъ его прямо туда, гдѣ возлежали другіе гости, которыхъ онъ засталъ уже въ сборахъ передъ началомъ пира. Какъ только Агатонъ завидѣлъ его, онъ сказалъ: «А, Аристодемъ, милости просимъ, какъ разъ къ столу. А коли ты пришелъ для чего-нибудь иного, отложи лучше до слѣдующаго раза. Я и вчера еще искалъ тебя, чтобы пригласить, да не могъ найти. А почему же ты не ведешь къ намъ твоего Сократа?—Тутъ, обернувшись, говоритъ, вижу я, что Сократа нѣтъ со мною. И я объяснилъ тогда, что я и въ правду пришелъ съ Сократомъ и даже по его приглашенію. „И отлично сдѣлалъ, сказалъ Агатонъ, но гдѣ же онъ самъ?"—Онъ хотѣлъ сейчасъ войти вслѣдъ за мною. Да я и самъ не могу понять, куда онъ могъ дѣваться.—„Посмотри-ка, мальчикъ, сказалъ Агатонъ, и введи Сократа, а ты, Аристодемъ, прибавилъ онъ, располагайся возлѣ Эриксимаха" [1]).

III. И мальчикъ обмылъ ему, говоритъ, ноги, чтобы

[1]) Сынъ Акумена, врачъ, другъ Федра, большой сторонникъ умѣренности, ученый педантъ, говоритъ тяжеловѣснымъ языкомъ.

онъ могъ возлечь за столъ [1]), затѣмъ пришелъ другой слуга съ извѣстіемъ, что Сократъ нашъ, повернувъ назадъ, остановился передъ дверьми сосѣдняго дома и отказывается войти на его приглашеніе". Странныя вещи ты разсказываешь, сказалъ Агатонъ; поди же, позови его еще разъ и не дай ему уйти. На это онъ, говоритъ, сказалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, не трогайте его: вѣдь, у него такая привычка. Иногда онъ отойдетъ куда нибудь въ сторону и стоитъ. Онъ, думается мнѣ, скоро прійдетъ. Не безпокойте его, оставьте въ покоѣ.—„Будь по-твоему, разъ ты такъ думаешь, сказалъ Агатонъ. А вы, ребята, угощайте все-таки насъ остальныхъ. Подавайте все, что вздумается: надъ вами нѣтъ никакихъ надзирателей, да этого у меня никогда и въ заводѣ не бывало. Представьте себѣ, что и я и они вотъ приглашены вами на пиръ, и служите намъ такъ, чтобы мы остались вами вполнѣ довольны [2]).

Мы стали трапезничать, говоритъ, а Сократъ все еще не являлся. Агатонъ поминутно приказывалъ звать Сократа, Аристодемъ же не допускалъ этого. И дѣйствительно, Сократъ пришелъ самъ, противъ своего обыкновенія очень скоро, но ужинъ уже былъ почти на половинѣ. Тогда Агатонъ, который случайно возлежалъ одинъ на самомъ краю, сказалъ: Сюда, Сократъ; помѣстись подлѣ меня, чтобы мнѣ насладиться также [3]) и мудростью, которая пришла тебѣ

---

1) Аристодемъ пришелъ босикомъ.

2) Агатонъ рисуется своимъ либеральнымъ обращеніемъ со слугами.

3) Кромѣ чести сидѣть рядомъ съ хозяиномъ.

въ голову тамъ, у преддверія. Вѣдь, очевидно, ты добился своего, иначе ты не ушелъ бы оттуда".

Сократъ садится, говоритъ, и отвѣчаетъ: — Прекрасно было бы, Агатонъ, если бы мудрость изъ полнѣйшаго изъ насъ перетекала бы въ пустѣйшаго, какъ скоро мы прикоснулись бы другъ къ другу, подобно тому, какъ вода изъ полнѣйшей чаши перетекаетъ черезъ шерсть въ пустѣйшую. Вѣдь, если бы такова была и мудрость, то для меня весьма много значило бы расположиться возлѣ тебя, потому что тогда, я наполнился бы, полагаю, обширною и прекрасною мудростью. Вѣдь, моя мудрость и незначительна и даже можетъ быть подвергнута сомнѣнію, какъ сновидѣніе, твоя же, напротивъ, и исполнена блеска и полна самыхъ радужныхъ надеждъ, такъ какъ она отъ тебя, человѣка еще молодого, кинула такой сильный отблескъ [1]) и недавно показала себя на глазахъ болѣе, чѣмъ тридцати тысячъ эллиновъ [2]). «Насмѣшникъ ты, Сократъ, сказалъ Агатонъ. О томъ, кто изъ насъ мудрѣе, мы разберемся съ тобою немного погодя, когда мы прибѣгнемъ къ судебному посредничеству Діониса [3]). А теперь прежде всего принимайся за ѣду.

IV. Послѣ того, какъ Сократъ, говоритъ, возлегъ и кончилъ ѣду, какъ и другіе, они стали дѣлать возліянія, пѣть гимнъ и, совершивъ все прочее,

---

[1]) Т.-е. ты восходящее свѣтило.

[2]) Сократовская иронія, сказанная съ паѳосомъ, вызвала протестъ даже у тщеславнаго Агатона.

[3]) Когда станемъ пить.

что полагалось по обычаю, обратились, наконецъ, къ питью [1]). Тутъ Павзаній [2]) повелъ, говоритъ, приблизительно такую рѣчь. „Ну, друзья мои, сказалъ, какимъ бы образомъ могли бы мы пить безъ вреда для себя? Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться вамъ, что еще отъ вчерашней попойки я чувствую себя очень худо и положительно нуждаюсь въ нѣкоторомъ отдыхѣ, равно какъ, думается мнѣ, и большинство изъ васъ: вѣдь, и вы были здѣсь вчера. Поразмыслите-ка поэтому, какъ намъ пить поудобнѣе.

На это Аристофанъ сказалъ: „Ты, дѣйствительно, дѣло говоришь, Павзаній,—намъ всячески надо придумать себѣ какое-нибудь облегченіе въ попойкѣ; я и самъ—изъ числа тѣхъ, которые здѣсь вчера „здорово подмокли“ [3]). На это Эриксимахъ, сынъ Акумена, сказалъ въ свою очередь: „Прекрасно сказано, но мнѣ хотѣлось бы еще услышать отъ одного изъ васъ,—какъ смотритъ на предстоящее питье Агатонъ“. И я, сказалъ этотъ, совсѣмъ слабъ.—„Такъ, тѣмъ лучше, возразилъ Эрикси-

---

[1]) Платонъ не заботится о деталяхъ пира и самый церемоніалъ при переходѣ отъ *пира* къ *попойкѣ* описываетъ спустя рукава. Обыкновенно въ концѣ пира гости пили глотокъ несмѣшаннаго вина въ честь добраго божества, или, точнѣе, за благосостояніе страны. Затѣмъ столы частью уносились, частью освобождались отъ лишней посуды для десерта и вина. Въ то же время рабы приносили воды для вторичнаго умыванія рукъ, которое были такъ же обязательно, какъ и передъ ѣдой. Затѣмъ рабы приносили гостямъ вѣнки и умащенія. Потомъ совершались возліянія при пѣніи религіозныхъ пѣсенъ (обыкновенно пеановъ).

[2]) Павзаній—изъ городского дома *Κεραμῆς*, поклонникъ поэта Агатона, сторонникъ утонченной чувственной любви.

[3]) Буквально: выкупались въ винѣ.

махъ, для насъ, т.-е. для меня, для Аристодема и для другихъ, разъ уже вы, завзятые питухи [1]), пасуете мы [2])-то всегда пьемъ мало. О Сократѣ я не упоминаю: онъ способенъ и на то и на другое, и ему будетъ на руку все, чтобы мы ни рѣшили. А такъ какъ изъ присутствующихъ никто, повидимому, не расположенъ пить много вина, то, пожалуй, я не обижу никого, если я чистосердечно выскажу свое мнѣніе о пьянствѣ. Мнѣ, какъ я справедливо полагаю, уже изъ врачебной практики хорошо извѣстно, какъ тяжело опьянѣніе для людей; поэтому впредь и самъ бы я не хотѣлъ пить много по своей охотѣ, да и другому бы не посовѣтовалъ, въ особенности если у него голова тяжела еще со вчерашняго дня“ [3]). «Конечно», перебилъ его Федръ [4]) Мирринусскій,—я-то ужъ давно привыкъ тебѣ повиноваться, въ особенности, когда ты говоришь что-нибудь съ точки зрѣнія врачебнаго искусства, а теперь, навѣрное, согласятся съ тобой и всѣ прочіе, если они будутъ благоразумны“. Выслушавъ это, всѣ согласились въ настоящее собраніе не налегать черезчуръ на вино, а пить его только для удовольствія.

V.—Итакъ, продолжалъ Эриксимахъ, разъ рѣшено

[1]) Т.-е. Павзаній, Аристофанъ и Агатонъ.

[2]) Эриксимахъ, Февръ, Аристодемъ и другіе.

[3]) Педантическая основательность разсужденій доктора наскучила Федру и онъ не безъ ироніи перебиваетъ его замѣчаніемъ, что всѣ заранѣе уже согласны съ нимъ.

[4]) Федръ, сынъ Питоклеса, уроженецъ мирринусскаго дема. По его имени названъ діалогъ Платона. Федръ—типъ средняго аѳинскаго гражданина, поверхностный умъ въ родѣ Репетиловскаго.

пить, сколько каждый захочетъ, и притомъ, чтобы не было никакихъ принужденій, я предлагаю отпустить только-что вошедшую сюда флейтщицу; пусть себѣ играетъ сама для себя или, если ей угодно, для женщинъ, что сидятъ тамъ взаперти, мы же сегодняшній день проведемъ за бесѣдами, и, если вамъ угодно, я даже скажу, за какими.—Тутъ всѣ выразили свое согласіе и стали просить его высказать свое предложеніе. Тогда Эриксимахъ сказалъ:—Рѣчь свою я начну какъ Мелониппа у Эврипида, ибо «слово, которое я выскажу, принадлежитъ не мнѣ», а Федру. Федръ постоянно твердитъ мнѣ негодуя: „не позорно ли, Эриксимахъ, говоритъ онъ, что всякимъ другимъ богамъ поэты сочиняли всякіе гимны и похвальныя пѣсни, а Эросу, такому мощному и почтенному богу, изъ всей огромной массы поэтовъ ни одинъ еще не сочинилъ никакой похвальной пѣсни [1]). Возьми также хотя бы и изъ почтенныхъ софистовъ; они писали въ прозѣ похвальныя слова Геркулесу и другимъ, какъ, напримѣръ, извѣстный Продикъ [2]),—но все это еще пустяки, но вотъ недавно мнѣ случилось натолкнуться на одну книгу, въ которой превозносились удивительныя достоинства соли. Можно было бы найти похвальныя слова въ честь и другихъ многихъ предметовъ подобнаго рода.

[1]) Конечно, это преувеличено. Достаточно вспомнить хотя бы трагическіе хоры въ „Антигонѣ“ Софокла (стихи 781—800) или въ „Ипполитѣ“ Эврипида (ст. 525 и слѣд.).

[2]) Т.-е. извѣстный разсказъ о Геркулесѣ на распутьи, содержаніе котораго передано въ общихъ чертахъ у Ксенофонта „Memorabilia“ II, 1. 21.

И вотъ на такія-то вещи тратится масса усердія, а Эроса до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не рѣшился еще воспѣть достойнымъ образомъ. До такой степени совсѣмъ забыли великаго бога! „И въ этомъ случаѣ, на мой взглядъ, Федръ совершенно правъ. Поэтому и мнѣ вмѣстѣ съ нимъ хотѣлось бы внести сюда свою скромную помощь, а кромѣ того мнѣ кажется, намъ, собравшимся здѣсь, было бы очень умѣстно почтить этого бога. Если и вы такого же мнѣнія, то у насъ за глаза хватило бы матеріала для нашей бесѣды. А именно, я хотѣлъ бы, чтобы каждый изъ насъ, начиная справа, сказалъ, насколько можно лучше, похвальное слово въ честь Эроса; начнетъ же пусть первый Федръ, онъ и возлежитъ съ краю, да онъ собственно и виновникъ самого предложенія.

— Никто, любезный Эриксимахъ, сказалъ на это Сократъ, не пойдетъ противъ твоего предложенія: вѣдь, не стану же его оспаривать я, разъ я выдаю себя спеціалистомъ по части любви, ни Агатонъ, ни Павзаній, ни тѣмъ болѣе Аристофанъ, вся дѣятельность котораго стоитъ въ связи съ Діонисомъ [1]) и Афродитою [2]), ни кто-нибудь другой изъ тѣхъ, кого я вижу здѣсь. Конечно, мы, возлежа послѣдними [3]), не можемъ уравняться съ другими. Но если наши предшественники скажутъ, какъ слѣдуетъ, и притомъ въ красивой формѣ, мы будемъ вполнѣ удовлетворены. Итакъ, въ добрый

---

[1]) Діонисъ — покровитель аѳинскаго театра.

[2]) Въ отношеніи къ содержанію комедіи.

[3]) Сократъ расположился возлѣ Агатона.

часъ! Пусть начнетъ Федръ и скажетъ похвальное слово Эросу!

Съ мнѣніемъ Сократа согласились и всѣ прочіе и потребовали совершенно того же, что и Сократъ.

Но всего, что высказано каждымъ въ отдѣльности, не вполнѣ хорошо помнилъ и самъ Аристодемъ, да и я не припомню всего, что мнѣ пришлось слышать отъ него. А что въ особенности и чьи именно рѣчи наиболѣе заслуживали вниманія, все это я перескажу вамъ по порядку.

VI. Такимъ образомъ, первымъ, какъ уже сказано, продолжалъ онъ, говорилъ Федръ, поведшій свою рѣчь что-то издалека, что Эросъ-де—богъ великій и высокочтимый и между людьми и между богами, какъ вообще по весьма многимъ причинамъ, такъ въ особенности благодаря своему происхожденію. И тутъ, сказалъ онъ, существенное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Эросъ является однимъ изъ старѣйшихъ боговъ, а это доказывается тѣмъ, что у Эроса нѣтъ родителей и никѣмъ они не называются, ни прозаиками ни поэтами. Гезіодъ же говоритъ, что прежде существовалъ Хаосъ, а потомъ—„Широкогрудая Земля, всѣхъ безсмертныхъ всегда безопасное ложе, и Эросъ“ [1]).

Такимъ образомъ, эти двое, т.-е. Земля и Эросъ, говоритъ онъ, возникли послѣ Хаоса [2]). А Парменидъ

---

[1]) Слишкомъ смѣлое утвержденіе Федра: Алкей называетъ Эроса сыномъ Зефира и Ириды. Симонидъ сыномъ Ареса и Афродиты, а Эврипидъ—сыномъ Зевса („Ипполитъ“, 538).

[2]) „Теогонія“, стих. 117 и слѣд.

учитъ о первоначальномъ Рожденіи [1]), что оно «первымъ изъ всѣхъ боговъ задумало Ароса».

Съ Гезіодомъ согласенъ и Акузилай [2]). Такимъ образомъ со многихъ сторонъ единогласно утверждается, что Эросъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ боговъ. Будучи самымъ древнимъ, онъ въ то же время является для насъ виновникомъ величайшихъ благъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ бы сказать, что̀ было бы большимъ благомъ уже для юноши, нежели благородный любовникъ, а для этого послѣдняго—благородное любимое дитя. Вѣдь, того, чѣмъ должны руководиться люди, намѣревающіеся достойнымъ образомъ прожить всю свою жизнь, лучше Эроса не въ состояніи имъ внушить ничто: ни родственныя связи, ни почести, ни богатство. Чего же именно имъ не внушить? Стыда передъ дурнымъ и живого интереса къ благородному соревнованію, а безъ нихъ ни государство, ни частное лицо не могутъ совершить ничего великаго и похвальнаго. Поэтому я утверждаю, что любящій человѣкъ, разъ окажется, что онъ или провинился въ какомъ-нибудь постыдномъ поступкѣ, или же что онъ, полу-

---

[1]) Парменидъ изъ *Элеи* (въ нижней Италіи) род. около 520 до Р. Х., второй извѣстный философъ основанной Ксенофаномъ элеатской школы. Его единственное, но очень извѣстное сочиненіе—дидактическая поэма, ***Περὶ φύσεως***, написанная эпическимъ размѣромъ на іоническомъ діалектѣ—сохранилось въ многочисленныхъ отрывкахъ.

[2]) Одинъ изъ древнѣйшихъ греческихъ логографовъ (логографы передавали устныя преданія древности) изъ Аргоса. Жилъ незадолго до персидскихъ войнъ (около 510 до Р. Х.). Онъ написалъ (по Свидѣ) произведеніе генеалогически-миѳическаго характера, подъ заглавіемъ ***Γενεαλόγιαι***, гдѣ онъ въ главномъ примыкалъ къ Гезіоду.

чивъ отъ кого-нибудь обиду, не отомстилъ за нее вслѣдствіе своей трусости,—не станетъ мучиться ни передъ глазами отца, ни передъ друзьями, ни передъ кѣмъ-либо другимъ такъ, какъ—передъ любимымъ существомъ.

То же самое замѣчаемъ мы и въ послѣднемъ: и онъ стыдится болѣе всего того, кто его любитъ, когда попадается въ чемъ-либо постыдномъ. Поэтому если бы любящимъ и любимымъ пришлось составить государство или войско, то они могли бы лучше всего достигнуть своей цѣли, если бы стали воздерживаться всего постыднаго и соревновать другъ передъ другомъ въ благородныхъ поступкахъ. А сражаясь вмѣстѣ, такіе люди при всей своей малочисленности могли бы, можно сказать, побѣдить весь міръ, потому что человѣку любящему, послѣ того, какъ онъ оставилъ бы строй или бросилъ бы оружіе, показаться на глаза человѣку любимому, нежели всякому другому, и онъ скорѣе уже согласился бы умереть десять разъ, чѣмъ поступать такъ. А совсѣмъ безъ вниманія оставить своего любимца и не помочь ему, когда онъ въ опасности,—да такого труса и не найдется, чтобы его не одушевилъ тогда къ мужеству самъ Эросъ и не уподобилъ храбрѣйшему по природѣ. Словомъ, то же самое, что говоритъ Гомеръ[1]) о Богѣ, внушавшемъ отвагу нѣкоторымъ героямъ, вполнѣ примѣнимо къ натурѣ Эроса въ отношеніи къ любящимъ.

VII. Мало того, только любящіе и способны умирать другъ за друга,—я не говорю уже о мужчинахъ, но и женщины. На этотъ счетъ у грековъ имѣется красно-

[1]) Иліада X, 482; Одиссея IX. 381; Иліада XV, 262.

рѣчивый примѣръ хотя бы въ лицѣ дочери Пел
Алкестиды. Она одна рѣшилась умереть за своего муж
хотя у него тогда были въ живыхъ и отецъ и ма
любя его, она значительно превзошла его родныхъ
преданности къ нему и на дѣлѣ доказала, что о
были чужими своему сыну и сродни ему только
имени. И когда она совершила этотъ подвигъ, она п
казалась великою не однимъ только людямъ, но и б
гамъ, поэтому-то, хотя и другіе люди часто сове
шали не мало славныхъ поступковъ, но боги тольк
весьма немногихъ удостоивали чести, выпуская ихъ душ
назадъ изъ Аида, душу же Алкестиды они съ радость
выпустили оттуда, восхищенные ея благороднымъ п
ступкомъ. Итакъ, даже сами боги высоко чтутъ бе
завѣтную и самоотверженную любовь. А Орфея, сын
Эарга, выслали они изъ Аида ни съ чѣмъ, показав
ему только призракъ его жены, а самой ея не вернул
ему, такъ какъ онъ, будучи музыкантомъ, оказалс
очень изнѣженнымъ и ухитрился живымъ пробратьс
въ Аидъ, а не имѣлъ мужества, подобно Алкестидѣ
умереть за свою любовь. Поэтому-то боги наказали его
сдѣлавъ такъ, что онъ погибъ отъ рукъ женщинъ,
не почтили его, подобно Ахиллесу, сыну Ѳетиды, кото
раго они отправили на *острова блаженныхъ*: онъ, узнавъ
отъ своей матери, что онъ умретъ, если убьетъ Гектора
а если не убьетъ его, то вернется на родину и про
живетъ тамъ до глубокой старости, не поколебался
оказавъ помощь своему Патроклу, какъ человѣку, съ
которымъ онъ связанъ былъ любовью, и, отомстивъ за
него, предпочесть не только смерть за него, но даже

смерть вслѣдъ за нимъ, такъ какъ Патроклъ, тогда былъ уже мертвъ. Боги, чрезвычайно обрадованные поступкомъ, почтили его за его высокое уваженіе къ любившему его человѣку. Эсхилъ, конечно, не правъ, утверждая, будто Ахиллесъ любилъ Патрокла: вѣдь, первый былъ красивѣе не только Патрокла, но и всѣхъ вообще героевъ, притомъ же онъ былъ безбородымъ и, по словамъ Гомера [1]), былъ моложе Патрокла. И дѣйствительно, если боги и чтутъ доблесть, порождаемую любовью къ любимому человѣку, они еще болѣе удивляются, чтутъ и цѣнятъ, когда любимое существо оказываетъ нѣжность человѣку любящему, нежели когда бываетъ наоборотъ: человѣкъ любящій оказываетъ ее по отношенію къ человѣку любимому. Вѣдь, человѣкъ любящій божественнѣе человѣка любимаго, такъ какъ онъ вдохновляется божествомъ. Вотъ почему боги почтили Ахиллеса болѣе, нежели Алкестиду, и отправили его на острова блаженныхъ. Я, съ своей стороны, могу заключить отсюда, что Эросъ является изъ боговъ и самымъ старшимъ и самымъ почтеннымъ и самымъ полезнымъ для людей, и благодаря ему они могутъ достигать добродѣтели и блаженства и при жизни и послѣ смерти.

VIII. Такую приблизительно рѣчь, разсказывалъ онъ, произнесъ Федръ, а за Федромъ говорили нѣкоторые другіе, рѣчей которыхъ онъ уже не припоминалъ хорошо, а потому, миновавъ ихъ, онъ передалъ рѣчь Павзанія [2]), который сказалъ слѣдующее:

— Дорогой Федръ, мнѣ кажется, у насъ неправильно

---

[1]) Иліада XI, 787.

[2]) Изъ городского дома *Κεραμεικος*, горячій приверженецъ Агатона.

поставлена самая тема нашей бесѣды, разъ намъ прост предлагается восхвалять Эроса. Такъ поступать был бы умѣстно, если бы былъ одинъ Эросъ. Но вѣд Эросъ не одинъ, а разъ онъ не одинъ, то было б правильнѣе сначала выяснить, какого именно Эрос должно восхвалять. Поэтому я попытаюсь внести сюд поправку: во-первыхъ, указать на то, какого Эрос нужно восхвалять, а затѣмъ уже восхвалить его, как это подобаетъ божеству. Всѣ мы знаемъ, что без Эроса Афродиты не бываетъ; если бы Афродита был одна, одинъ былъ бы и Эросъ, но разъ ихъ двѣ, должн быть и два Эроса. Да развѣ не двѣ Афродиты. Одна — старшая, безъ матери, дочь Урана (неба), которую м и называемъ поэтому *небесной*, другая, младшая, доч Зевса и Діоны [1]), которую мы зовемъ *всенародной*. По этому и помощниковъ Афродиты — одного Эроса вполн послѣдовательно было бы называть *всенароднимъ*, другого — *небеснымъ*.

Чтить, конечно, нужно всѣхъ боговъ, но во всякомъ случаѣ надо попытаться сказать и о томъ, какой удѣл выпалъ на долю каждаго изъ нихъ [2]).

Всякое дѣло вообще само по себѣ ни прекрасн ни безобразно. Такъ, напримѣръ, все, что мы дѣлаемъ

---

[1]) По греч. миѳу, дочь Океана и Ѳетиды, богиня свѣтлаго неба, у древнихъ грековъ въ большомъ почетѣ; въ „Иліадѣ", благодаря Зевс мать Афродиты. Діона въ Додонѣ (въ Эпирѣ) почиталась, въ качеств супруги Зевса. Когда же Додонскій оракулъ палъ, Діона была оттѣснена н задній планъ Герою и въ концѣ-концовъ считалась додонскою нимфо По звукамъ она тождественна съ *Юноной*.

[2]) Т.-е. характеризовать функціи обоихъ въ ихъ особенностяхъ, ил указать, какими свойствами обладаетъ каждый изъ нихъ.

сейчас: пьемъ, поемъ, разговариваемъ,—во всемъ этомъ собственно нѣтъ ничего прекраснаго, но оно бываетъ такимъ или инымъ, смотря по тому, какъ оно выполняется; если оно выполняется прекраснымъ и надлежащимъ образомъ, оно становится прекраснымъ, въ противномъ случаѣ—безобразнымъ. Точно то же съ любовью и Эросомъ: не всякій Эросъ прекрасенъ и достоинъ похвалъ, но лишь тотъ, который побуждаетъ насъ любить прекраснымъ образомъ.

IX. Дѣтище всенародной Афродиты, такимъ образомъ, и въ дѣйствительности бываетъ всенароднымъ и поступаетъ оно очертя голову, и оно-то является предметомъ любви для людей порочныхъ. А такіе люди прежде всего любятъ безъ разбора и женщинъ и мальчиковъ; затѣмъ, если они и полюбятъ послѣднихъ, то опять-таки не столько за ихъ душевныя, сколько за ихъ физическія качества, а кромѣ того они выбираютъ предметами своей любви, по возможности, лицъ поглупѣе, имѣя при этомъ въ виду только удовлетвореніе своей похоти и нисколько не заботясь о томъ, нравственно ли ихъ поведеніе или нѣтъ.

Отсюда и случается, что они дѣлаютъ, что попало, безразлично и хорошее и противоположное. Вѣдь, какъ бы то ни было, всенародная любовь происходитъ отъ богини, которая отчасти гораздо моложе другой богини, отчасти же своимъ происхожденіемъ обязана и мужскому и женскому началамъ [1]). Напротивъ, дѣтище небесной Афродиты, во-первыхъ, обязано своимъ происхожденіемъ той, которая происходитъ не отъ жен-

[1]) Происходитъ отъ Зевса и Діоны.

скаго начала, но исключительно отъ мужского (а это-то и есть любовь къ мальчикамъ), а во-вторыхъ—оно происходитъ отъ богини болѣе старшей и поэтому не причастной безстыдству. Поэтому-то и обращаются къ мужскому началу люди, вдохновленные этимъ Эросомъ, такъ какъ они любятъ болѣе мощное по природѣ и обладающее болѣе значительнымъ разумомъ. И каждый легко могъ бы различить въ самой любви къ мальчикамъ лицъ, совершенно чисто увлеченныхъ этимъ Эросомъ [1]); а именно, они любятъ не дѣтей, но такихъ юношей, которые уже начинаютъ обнаруживать разумъ. А это время совпадаетъ съ первымъ появленіемъ растительности на лицѣ. И начавъ любить съ этихъ поръ, они, по моему мнѣнію, способны оставаться съ ними вмѣстѣ навсегда жить съ ними общею жизнью: они не станутъ обманывать неопытнаго юноши, поймавъ его на хитрость, и не будутъ оставлять его осмѣяннымъ, чтобы сейчасъ же перейти къ другому. Хорошо было бы установить законъ, который запрещалъ бы любить слишкомъ молодыхъ мальчиковъ, чтобы подчасъ не приходилось изъ-за нихъ тратить попусту много труда. Вѣдь, относительно дѣтей трудно сказать, куда поведетъ въ концѣ-концовъ ихъ физическій и духовный ростъ: къ добру или худу [2]). Люди порядочные сами добровольно приняли на себя исполненіе этого закона, но слѣдовало бы принуждать къ соблюденію его и этихъ всенародныхъ любителей, какъ мы запрещаемъ имъ, насколько возможно, любить женщинъ свободнаго со-

---

[1]) Т.-е истинныхъ приверженцевъ этой любви.

[2]) Т.-е. какъ именно сложится вся ихъ дальнѣйшая жизнь.

словія. Вѣдь, эти господа такъ загрязнили самую любовь [1]), что нѣкоторые даже осмѣливаются утверждать, будто вообще позорно дарить свои ласки человѣку любящему. Такое мнѣніе они высказываютъ только въ отношеніи къ приверженцамъ всенародной Афродиты, замѣчая ихъ неразборчивость и нечестность: вѣдь, всякое дѣло, каково бы оно ни было, если оно совершается умно и честно, не можетъ вызвать справедливаго порицанія.

Законы, существующіе въ другихъ государствахъ относительно любви, понять не трудно, такъ какъ они просты и точны, наши же и лакедемонскіе запутаны. Такъ, напримѣръ, въ Элидѣ и Беотіи и тамъ, гдѣ не привыкли говорить красно, просто въ обычаѣ считать хорошимъ дарить ласки тому, кто насъ любитъ, и никто, ни юноша, ни старецъ, не скажетъ, что это было бы позорно, прежде всего, полагаю, во избѣжаніе хлопотъ, на случай, если бы имъ пришлось словами убѣждать молодыхъ людей, на что они мало способны.

Напротивъ, во многихъ мѣстахъ Іоніи и во многихъ другихъ мѣстахъ, подчиненныхъ владычеству варваровъ, любовь считается постыдной. Ибо у варваровъ, въ силу ихъ тираніи, любовь, равно какъ стремленіе къ мудрости и тѣлесному развитію, считается явленіемъ позорнымъ. Не любятъ, видно, тираны, когда

---

[1]) Какъ извѣстно, слово „педерастія" (любовь къ мальчикамъ) прежде обозначало *чистую* внутреннюю связь между мужчиной и юношей; только благодаря привнесенію сюда грубаго чувственнаго элемента получило это слово то пресловутое значеніе, которое ему придается въ уложеніи о наказаніяхъ.

между ихъ подданными зарождаются высокіе помыслы, сильная дружба или крѣпкіе союзы, а это на ряду съ другими стремленіями и создается главнымъ образомъ Эросомъ. Это узнали на опытѣ и наши правители: вѣдь, любовь Аристогитона и вѣрность Гармодія разрушила ихъ власть [1]). Такимъ образомъ, гдѣ считается позорнымъ угождать любящему человѣку, тамъ этотъ обычай существуетъ благодаря порочности тѣхъ, которые установили и приняли его, а именно благодаря деспотизму правителей и отсутствію гражданскаго мужества у подчиненныхъ [2]); тамъ же, гдѣ этотъ обычай принятъ просто, тамъ онъ принятъ по недомыслію лицъ, его установившихъ. Здѣсь же у насъ принятъ обычай гораздо болѣе прекрасный, нежели у другихъ, только, какъ я уже замѣтилъ, въ немъ не легко разобраться.

X. И правда, взвѣсьте-ка всѣ обычные толки о томъ, что любить открыто лучше, нежели любить тайно, что преимущественно надо любить самыхъ благородныхъ и самыхъ добродѣтельныхъ, будь они даже и не такъ красивы, какъ другіе, что любовникъ встрѣчаетъ со стороны всѣхъ самое живое сочувствіе, какъ будто бы въ его поведеніи не было ничего постыднаго, что имѣть успѣхъ у возлюбленнаго считается хорошимъ, а потерпѣть неудачу позорнымъ, и что для того, чтобы попытаться изловить послѣдняго, законъ позволяетъ

---

[1]) А. и Г. издавна слыли у аѳинянъ героями и возвышенными образцами свободной любви и глубокой ненависти къ тираніи. Смотри Ѳукид. 6,54 и слѣд.

[2]) Всякій народъ имѣетъ такое правительство, какое заслуживаетъ.

любовнику прибѣгать ко всякимъ хитростямъ, и это еще является похвальнымъ, несмотря на то, что всякому, кто вздумалъ бы прибѣгнуть къ нимъ ради какой-нибудь иной цѣли, пришлось бы навлечь на себя весьма тяжелыя нареканія. Вѣдь, если бы кто-нибудь, ради полученія отъ кого-нибудь денегъ или должности или вообще какого-нибудь положенія, сталъ бы дѣлать то, что обыкновенно продѣлываютъ любовники въ отношеніи къ своимъ любимцамъ, умоляя ихъ униженно и чуть ли не на колѣняхъ, давая имъ клятвы, обивая ихъ пороги [1]), добровольно принимая на себя такія унизительныя обязанности, какихъ не принялъ бы последній рабъ, то вести себя такъ помѣшали бы ему и друзья и враги,—послѣдніе стали бы порицать его за лесть и низость, первые же стали бы вразумлять его и стыдились бы за него. Однако все это прекрасно сходитъ съ рукъ у человѣка, который любитъ, и самъ законъ свободно разрѣшаетъ ему поступать такъ, какъ будто бы его поведеніе было выше всякой критики. А главное, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ толпа, это—то, что если бы даже онъ поклялся и нарушилъ свою клятву, только онъ одинъ опять-таки получилъ бы отъ боговъ прощеніе, ибо, какъ говорятъ, любовная клятва—не клятва. Такимъ образомъ, и боги и люди, по нашимъ обычаямъ, даютъ любовнику очень много воли. Поэтому надо было бы полагать, что въ нашемъ городѣ считается безусловно хорошимъ и любить и благоволить любовникамъ. А такъ какъ отцы, ставя надъ

[1]) Собств.: лежа у дверей.

любимцами надзирателей, не позволяютъ имъ разговаривать съ своими любовниками, а въ этомъ, вѣдь, и состоитъ главная обязанность надзирателя, а сверстники и пріятели молодыхъ людей ставятъ надзирателямъ въ упрекъ, если замѣтятъ что-нибудь подобное, старшіе, въ свою очередь, не мѣшаютъ тѣмъ, кто дѣлаетъ эти упреки, и не бранятъ ихъ за то, что они поступаютъ несправедливо,—то, принявъ все это во вниманіе, можно было бы подумать, что такія связи считаются у насъ чѣмъ-то весьма позорнымъ. Дѣло же, по моему мнѣнію, обстоитъ такъ: безусловныхъ сужденій высказывать нельзя, какъ уже сказано выше; сама по себѣ любовь ни прекрасна, ни позорна, но, прекрасно выполняемая, она прекрасна, постыдно же выполняемая—постыдна. А именно, позорно угождать человѣку дурному дурнымъ образомъ, прекрасно же угождать человѣку хорошему прекраснымъ образомъ. Дуренъ же всенародный любовникъ, который тѣло любитъ болѣе, нежели душу, потому что онъ даже непостояненъ, такъ какъ онъ и любитъ то, что не постоянно. Какъ скоро тѣло, которое онъ любилъ, отцвѣтетъ, онъ быстро улетаетъ, позорно забывая и о своихъ рѣчахъ и о своихъ обѣщаніяхъ. Любовникъ же благороднаго характера остается вѣренъ на всю жизнь, такъ какъ онъ привязанъ къ постоянному. И всѣхъ ихъ нашъ законъ предписываетъ хорошенько испытывать и однимъ оказывать ласки, другихъ же избѣгать. Поэтому-то однихъ (любовниковъ) нашъ законъ побуждаетъ къ преслѣдованію, другихъ же (любимцевъ) къ бѣгству, устанавливая даже своего рода состязанія и пробныя испытанія для того,

чтобы узнать, къ какому изъ двухъ родовъ принадлежитъ любовникъ и любимецъ. По этой-то причинѣ признается прежде всего постыднымъ быстро отдаваться любовнику для того, чтобы было достаточно времени, способствующаго, повидимому узнать лучше всего всѣ подробности. Затѣмъ признается постыднымъ отдаваться изъ-за денегъ или изъ-за преклоненія передъ политическимъ вліяніемъ, сробѣетъ ли кто-нибудь и не выдержитъ натиска дурныхъ обстоятельствъ или же сдастся, встрѣчая поддержку въ своихъ матеріальныхъ или политическихъ дѣлахъ. Вѣдь, всѣ подобныя причины и не очень прочны и не постоянны, не говоря уже о томъ, что отсюда никогда не можетъ произойти истинной дружбы. Остается такимъ, образомъ, по нашимъ законамъ, одинъ только путь, которымъ любимецъ можетъ достойнымъ образомъ оказывать ласки любовнику. У насъ, вѣдь, есть законъ: какъ у любовниковъ можно было добровольно оказывать своимъ любимцамъ всякія услуги и не смотрѣть на это, какъ на что-то низкое и позорное, такъ и у любимцевъ остается еще другое рабство, которое не позорно, а именно: *рабство ради добродѣтели.*

XI. А именно, у насъ существуетъ взглядъ, что для того, кто желаетъ отдаться другому въ надеждѣ черезъ него сдѣлаться лучше или въ наукѣ или въ какой-нибудь другой отрасли добродѣтели, такая добровольная служба не является ни позорной, ни унизительной. Эти оба общественныя мнѣнія о любви къ мальчикамъ, съ одной стороны, и о философіи и добродѣтели, съ другой, надо свести къ одному, если должно признать хорошимъ,

чтобы любимецъ былъ ласковъ къ своему любовнику. Вѣдь, если встрѣчается любовникъ и любимецъ, при чемъ каждый руководится своимъ принципомъ: одинъ — тѣмъ, что онъ хорошо поступаетъ, оказывая всякія услуги любимцу, который былъ ласковъ съ нимъ, другой же — тѣмъ, что онъ равнымъ образомъ по справедливости оказываетъ всякія услуги тому, кто его дѣлаетъ мудрымъ и добрымъ и и если первый въ состояніи содѣйствовать мудрости или иной какой добродѣтели, а послѣдній желаетъ понабраться образованія и мудрости: тогда только, если принципы обоихъ сходятся въ одномъ стремленіи, можетъ считаться чѣмъ-то похвальнымъ, чтобы любимецъ оказывалъ любовнику ласки, въ иномъ же случаѣ никогда. И въ этомъ случаѣ [1]) не позорно даже быть обманутымъ, во всякомъ же другомъ случаѣ ласки приносить позоръ любимцу, обманывается ли онъ или нѣтъ. Такъ, напримѣръ, если бы кто-нибудь сошелся съ любовникомъ, какъ будто бы съ богатымъ, изъ-за денегъ, а затѣмъ былъ бы обманутъ и не получилъ бы денегъ, такъ какъ его любовникъ въ дѣйствительности оказался бы бѣднякомъ, стыдъ былъ бы не менѣе великъ, ибо такой человѣкъ, насколько это зависѣло отъ него, какъ-будто показалъ, что онъ ради денегъ каждому готовъ сдѣлать всякую услугу, а это нехорошо. По той же самой причинѣ, если кто-нибудь, оказавъ ласки человѣку, какъ порядочному, и самъ намѣреваясь сдѣлаться лучше черезъ дружбу съ любовникомъ, даже и обманулся бы въ томъ случаѣ, если

[1]) При истинномъ пониманіи любви.

бы этотъ послѣдній оказался бы плохимъ и не обладающимъ добродѣтелью, то и въ этомъ случаѣ онъ былъ бы прекрасенъ. Ибо и этотъ опять-таки, насколько это зависитъ отъ него, какъ бы показалъ, что ради добродѣтели и ради возможности сдѣлаться лучше, онъ готовъ для всякаго на все, а это опять-таки прекраснѣе всего. *Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ прекрасно оказывать ласки ради добродѣтели.*

Это—Эросъ небесной богини, и самъ онъ небесный и очень цѣнный и для государства и для частныхъ лицъ, такъ какъ онъ заставляетъ и любящаго и любимаго обращать много вниманія на свою собственную добродѣтель. Всякая другая любовь — Эросъ другой богини, всенародной. Вотъ что, сказалъ онъ, дорогой Федръ, могу предложить тебѣ о любви безъ приготовленія.

Когда же Павзаній сдѣлалъ паузу (выражаться такими созвучіями учатъ меня мои риторы), долженъ былъ, какъ разсказывалъ Аристодемъ, говоритъ Аристофанъ. Но на него какъ-разъ въ это время, или отъ пресыщенія или отъ какой-нибудь другой причины, напала икота, и онъ не былъ въ состояніи говорить, а поэтому онъ обратился къ врачу Эриксимаху, возлежавшему случайно сейчасъ за нимъ, и сказалъ: „Эриксимахъ, ты долженъ или избавить меня отъ икоты или произнесть рѣчь вмѣсто меня, пока она не пройдетъ“. Эриксимахъ возразилъ: «Но я сдѣлаю то и другое. Я буду говорить вмѣсто тебя, а ты, когда поправишься, скажешь вмѣсто меня. А если, пока я буду говорить, пройдетъ икота, коли ты задержишь на нѣкоторое время дыханіе, пре-

красно. Если же не пройдетъ, пополощи горло водой. Если же икота очень упорна, пощекочи чѣмъ-нибудь въ носу и чихни. Когда же ты это продѣлаешь разъ или два, она пройдетъ, какъ бы сильна она ни была». Начинай же свою рѣчь, сказалъ Аристофанъ, а я между тѣмъ послѣдую твоему совѣту.

XII. Затѣмъ Эриксимахъ сказалъ такъ: «Такъ какъ Павзаній прекрасно началъ свою рѣчь, но не вполнѣ хорошо окончилъ ее, то мнѣ кажется необходимымъ самому довести ее надлежащимъ образомъ до конца. Что Эросовъ два,—такое раздѣленіе мнѣ кажется весьма удачнымъ. Но мнѣ кажется также, что благодаря моему искусству въ медицинѣ мнѣ удалось открыть, что любовь царитъ не въ однѣхъ только душахъ людей, гдѣ она имѣетъ цѣлью красоту, но она встрѣчается и въ другомъ, направляясь на многое другое, какъ въ тѣлахъ всѣхъ животныхъ, такъ и въ произведеніяхъ земли и, такъ-сказать, во всемъ существующемъ; и что богъ этотъ великъ и достоинъ удивленія, и что власть его простирается надо всѣмъ, надъ вещами божескими и человѣческими. Поэтому я и начну говорить выходя изъ медицинскихъ соображеній, чтобы этимъ кстати почтить и свое искусство.

Вѣдь, и тѣлесная природа заключаетъ въ себѣ оба вида любви. Вѣдь, здоровое состояніе тѣла и больное, конечно, различны и не похожи другъ на друга, а непохожее любитъ непохожее и стремится къ нему. Такимъ образомъ, иная любовь—въ здоровомъ тѣлѣ, иная—въ больномъ. И конечно, прекрасно, какъ только-что и сказалъ Павзаній, оказывать ласки благороднымъ людямъ,

отдаваться же людямъ необузданнымъ—позорно; такъ точно и съ самими тѣлами, а именно: хорошо и должно угождать хорошимъ и здоровымъ частямъ каждаго тѣла, и это-то носитъ названіе медицины, напротивъ постыдно предаваться дурнымъ и постыднымъ частямъ, и если кто хочетъ сдѣлаться искуснымъ въ немъ, тотъ долженъ бороться съ ними. Вѣдь, врачебное искусство, выражаясь коротко, есть знаніе любовныхъ склонностей тѣла въ отношеніи наполненія и опорожненія, и кто умѣетъ разпознавать въ нихъ Эроса прекраснаго и Эроса дурного, тотъ — самый свѣдущій врачъ, а тотъ, кто умѣетъ достигать превращенія, такъ что тѣла вмѣсто одной любви пріобрѣтаютъ другую, и умѣетъ ввести любовь туда, гдѣ ея нѣтъ и гдѣ она все-таки должна быть, и извлечь ее оттуда, гдѣ она вредна, тотъ могъ бы назваться лучшимъ практикомъ: вѣдь нужно, чтобы онъ умѣлъ устанавливать дружбу между самыми враждебными элементами и внушать имъ взаимную любовь. Самые же враждебные элементы суть самые противоположные, какъ: холодное съ горячимъ, горькое съ сладкимъ, сухое съ мокрымъ и тому подобное. Умѣвшій устраивать между ними любовь и согласіе нашъ предокъ Асклепій [1]), какъ разсказываютъ вотъ эти поэты [2]), и я этому вѣрю, основалъ наше искусство. Такимъ образомъ, врачебное искусство, какъ уже сказано, управляется всецѣло этимъ богомъ [3]), равно

[1]) Олицетвореніе цѣлительной силы природы. А.—Эскулапъ, первоначально ѳессалійскій герой, потомъ богъ, сынъ Аполлона и Корониды.

[2]) Агатонъ и Аристофанъ.

[3]) Эросомъ.

какъ гимнастика и земледѣліе. Съ музыкой, какъ это вполнѣ будетъ ясно всякому, кто на это обратилъ даже немного вниманія, дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ и съ этими тремя искусствами, что, вѣроятно, и хотѣлъ высказать Героклитъ [1]), ибо выраженія его на этотъ счетъ не вполнѣ ясны. А именно, онъ говоритъ, что единое, становясь неединымъ, не теряетъ единства само съ собою, подобно единству лука и лиры [2]). Но большая нелѣпость говорить о гармоніи (единствѣ), что она не едина и состоитъ изъ неединаго. Но, быть можетъ, онъ хотѣлъ только сказать, что она произошла изъ звуковъ, вначалѣ неединыхъ, высокаго и низкаго, а впослѣдстіи пришедшихъ въ единство благодаря музыкальному искусству. Во всякомъ случаѣ, изъ неединаго, высокаго и низкаго, не можетъ еще произойти гармоніи. Вѣдь, гармонія есть созвучіе, а созвучіе есть нѣкоторое согласіе; согласіе же изъ началъ противоположныхъ нѣчто невозможное, пока эти начала остаются непримиренными; а противоположное и не приведенное въ согласіе не даетъ еще гармоніи; точно такъ же и ритмъ произошелъ изъ началъ, сперва бывшихъ различными, быстраго и медленнаго, а затѣмъ пришедшихъ въ согласіе. Согласіе же всему этому его раньше давала медицина, здѣсь даетъ музыка, устанавливая любовь и согласіе между противоположными началами. А потому музыка есть знаніе любовныхъ отношеній касательно гармоніи и ритма. Да и въ самой природѣ

[1]) Знаменитый философъ изъ Эфеса (535 — 475), по прозванію темный.

[2]) Сходство лука и лиры—въ формѣ и конструкціи.

гармоніи и ритма не трудно замѣтить любовныя отношенія; здѣсь нѣтъ двухъ эросовъ, но когда приходится на практикѣ (передъ людьми) примѣнять размѣръ или гармонію или при творчествѣ, что называется поэтическо-музыкальною композиціею, или правильномъ исполненіи уже готовыхъ пѣсней и размѣровъ, что называется музыкальною школою (образованіемъ), тогда приходится трудно и требуется для этого хорошій мастеръ. Здѣсь снова выступаетъ то же положеніе, которое было установлено выше: нужно оказывать ласки людямъ скромнымъ, а также для того, чтобы еще скромнѣе были тѣ, которые еще недостаточно скромны, и оберегать ихъ любовь, а это есть прекрасный, небесный Эросъ, происходящій отъ музыУраніи [1]). Происходящій же отъ Полигимніи [2])—Эросъ всенародный, котораго надо примѣнять съ осторожностью къ кому его примѣняютъ, чтобы онъ приносилъ удовольствіе, но не сопровождался бы никакой разнузданностью, равно какъ и въ нашемъ медицинскомъ искусствѣ очень трудно справляться надлежащимъ образомъ съ аппетитами, въ области поварскаго искусства, чтобы получать наслажденіе отъ нихъ безъ вреда для себя. Такимъ образомъ, и въ музыкѣ, и во врачебномъ искусствѣ, и во всѣхъ остальныхъ вещахъ, божескихъ и человѣческихъ, по возможности, надо принимать во вниманіе оба вида Эроса, такъ какъ они находятся вездѣ.

XIII. Вѣдь, и состояніе временъ года вполнѣ зависитъ отъ нихъ. А именно, если на долю противопо-

---

[1]) Собств. *отъ небесной Афродиты:* Эриксимахъ путаетъ.

[2]) Опять ошибка: вмѣсто *всенародной Афродиты.*

ложныхъ стихій, о которыхъ я только-что упоминалъ, именно: тепла и холода, сухости и влаги въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу приходится умѣренный Эросъ, и онѣ получаютъ разумную гармонію и смѣшеніе, то онѣ несутъ урожайный и здоровый годъ какъ людямъ, такъ и другимъ живымъ существамъ и растеніямъ и нисколько не вредятъ имъ. Если же на времена года оказываетъ преобладающее вліяніе Эросъ, находящійся въ связи съ разнузданностью, то онъ губитъ и портитъ многое. Ибо отъ этого обыкновенно происходятъ заразныя и многія другія разнобразныя болѣзни, какъ между животными, такъ и между растеніями. Вѣдь, изъ неумѣренности и неупорядоченнаго отношенія такихъ любовныхъ тяготѣній другъ къ другу происходятъ и иней, и градъ, и медвяная роса, и пониманіе этихъ тяготѣній въ теченіи звѣздъ и временъ года называется астрономіей. Кромѣ того, всѣ жертвоприношенія и все, что связано съ прорицаніемъ—а это [1]), вѣдь, въ совокупности и составляетъ взаимное общеніе боговъ и людей — только и заняты охраненіемъ Эроса или борьбою съ нимъ.

Вѣдь, всякое наше нечестіе возникаетъ тамъ, гдѣ мы не оказываемъ ласки нравственному Эросу, не чтимъ его и не отводимъ ему первое мѣсто, а дѣлаемъ все это ради другого Эроса, какъ въ отношеніи родителей, безразлично живы ли они или умерли, такъ и въ отношеніи боговъ. Вотъ почему назначеніе искусства прорицанія—наблюдать за Эросомъ или бороться съ нимъ. И опять-таки это искусство—создатель друже-

[1]) Т.-е. религія.

скихъ отношеній между богами и людьми благодаря своему знанію тѣхъ любовныхъ человѣческихъ склонностей, которыя направлены на законное или незаконное.

Такимъ образомъ, говоря коротко, всякій Эросъ обладаетъ разносторонней и великой силой, вѣрнѣе даже—всемогуществомъ. Но Эросъ, проявляющій себя на добрѣ съ осмотрительностью и справедливостью, имѣетъ и у насъ и у боговъ величайшее значеніе и доводитъ насъ до полнаго блаженства, дѣлая то, что мы можемъ имѣть общеніе и дружить между собою и даже съ богами, которые лучше насъ.

Быть-можетъ, и я, выхваляя Эроса, многое упустилъ изъ виду, но, конечно, не съ намѣреніемъ. Но если я чего и не договорилъ, твое дѣло, Аристофанъ, пополнить. Впрочемъ, если ты намѣренъ восхвалять Бога какимъ-нибудь инымъ образомъ, восхваляй: кстати, вѣдь, прошла и твоя икота.

Затѣмъ, разсказывалъ онъ, слово взялъ Аристофанъ и сказалъ: Икота, правда, прошла у меня, однако не раньше, чѣмъ я противопоставилъ ей чиханіе, такъ что я удивляюсь, неужели для благосостоянія тѣла непремѣнно требуется такой шумъ и такое щекотаніе, какъ это бываетъ, когда чихаешь; вѣдь икота сейчасъ же прекратилась, какъ только я противопоставилъ ей чиханіе. На это Эриксимахъ сказалъ: Подумай-ка, что ты дѣлаешь, дружище: намѣреваясь говорить свою рѣчь, ты зубоскалишь и меня вынуждаешь во время ея быть на-сторóжѣ, и ловить твои промахи, межъ тѣмъ какъ ты, вѣдь, могъ бы говорить вполнѣ спокойно. И Аристофанъ на это сказалъ съ усмѣшкой: Ты правъ,

Эриксимахъ, и поэтому забудь, что я говорилъ, и не подстерегай меня, такъ какъ, собираясь говорить, я боюсь не за то, чтобы я не сказалъ чего-нибудь смѣшного—вѣдь, это было бы мнѣ на руку и вполнѣ въ духѣ моей музы,—но я боюсь, какъ бы не сказать чего-нибудь достойнаго осмѣянія. Отдѣлавшись остротой, сказалъ Эриксилахъ, ты думаешь, что ты уже избѣгъ бѣды. Берегись и говори такъ, какъ будто тебѣ придется отдать отчетъ за каждое свое слово. Но, быть-можетъ, если мнѣ заблагоразсудится, я тебя и помилую.

XIV.

Какъ бы то ни было, сказалъ Аристофанъ, я намѣренъ говорить совсѣмъ инымъ образомъ [1]), нежели говорили вы оба, ты и Павзаній. Мнѣ кажется, что люди совершенно не поняли всей силы Эроса. Вѣдь, если бы они поняли ее, они воздвигли бы въ честь его великолѣпнѣйшія святилища и жертвенники и приносили бы ему величайшія жертвы,—а этого между тѣмъ ничего нѣтъ, несмотря на самую настоятельную необходимость въ этомъ. Вѣдь, онъ болѣе всѣхъ боговъ расположенъ къ людямъ, онъ ихъ покровитель и врачъ, излѣчивающій ихъ отъ тѣхъ болѣзней [2]), которыя мѣшаютъ роду человѣческому достигнуть вершины блаженства. Поэтому я попытаюсь представить вамъ все могущество Эроса, а вы уже въ свой чередъ будете учителями другихъ.

Но прежде всего вы должны узнать, какова при-

---

[1]) Т.-е. не такъ отвлеченно и сухо.

[2]) Пороковъ.

рода человѣка вообще и какія измѣненія пришлось ей претерпѣть. А именно, когда-то наша природа была далеко не такой, какъ теперь. Во-первыхъ, было три рода людей: кромѣ теперешнихъ двухъ, мужского и женскаго, существовалъ еще и третій, составленный изъ этихъ обоихъ; названіе его еще сохранилось, но самъ онъ исчезъ. Тогда существовалъ еще андрогинъ[1]), по виду и по названію составленный изъ двухъ половъ, мужского и женскаго; въ настоящее время онъ не существуетъ, сохранилось лишь названіе, теперь сдѣлавшееся оскорбительнымъ. Затѣмъ тѣла всѣхъ людей были шаровидными: спина, грудь и бока у нихъ были округленными. Каждый человѣкъ имѣлъ по четыре руки, ногъ столько же, сколько и рукъ, и по два совершенно одинаковыхъ лица на круглой шеѣ; одну голову, которая соединяла эти два лица, смотрѣвшія въ противоположныя стороны; четыре уха, по два половыхъ органа и все прочее, какъ это каждый легко могъ бы себѣ представить. Ходилъ онъ прямо, такъ же, какъ и мы, въ какую бы сторону онъ ни захотѣлъ. Когда же ему нужно было передвигаться быстро, онъ, подобно тѣмъ которые кувыркаются, перевертываясь вверхъ ногами, могъ очень быстро катиться впередъ, опираясь послѣдовательно на свои восемь членовъ. Существовали такимъ образомъ три пола, и притомъ каждый своеобразнаго свойства потому, что мужскій первоначально былъ порожденіемъ солнца[2]), женскій—порожденіемъ земли, а причаст-

---

[1]) Анеръ—мужъ и гюнэ—женщина.

[2]) Напоминаетъ ученіе Парменида, по которому огонь—движущая положительная стихія, а, слѣдовательно, и мужская.

ный тому и другому—порожденіемъ луны, которая и сама, вѣдь, причастна и солнцу и землѣ. Поэтому и сами они были шарообразны и походка ихъ напоминала движеніе шара, напоминая въ этомъ отношеніи своихъ родителей [1]). Они были страшны своею крѣпостью и мощью и имѣли великіе замыслы; и вотъ они осмѣлились поднять руку на боговъ, и то, что Гомеръ разсказываетъ объ Эфіальтѣ и Отѣ [2]), это надо разумѣть о нихъ: они хотѣли проложить себѣ путь на небо, чтобы напасть на боговъ.

XV.

Поэтому Зевсъ и прочіе боги стали совѣщаться межъ собою, что имъ предпринять, и недоумѣвали: съ одной стороны, они не считали возможнымъ убить ихъ и такимъ образомъ уничтожить родъ людской, поразивъ ихъ громами, какъ нѣкогда гигантовъ—ибо тогда имъ самимъ, съ одной стороны, пришлось бы лишиться и поклоненія и жертвоприношеній—а съ другой—они не могли допустить такой дерзости. Наконецъ, Зевсъ послѣ долгихъ размышленій придумалъ-таки исходъ и сказалъ: „Мнѣ кажется, сказалъ онъ, я нашелъ средство, чтобы люди и продолжали существовать и въ то же время не были бы такъ своевольны: уменьшить ихъ силы. Теперь, сказалъ онъ, каждаго изъ нихъ я разсѣку пополамъ; такимъ образомъ они будутъ

---

[1]) Интересный взглядъ: уже древніе смотрѣли на солнце, луну и землю, какъ на шары.

[2]) См. Одиссею XI. 305 и слѣд.

слабѣе, а въ то же время полезнѣе для насъ благодаря тому, что они увеличатся въ числѣ, а къ тому же впредь имъ прійдется всегда ходить прямо на двухъ ногахъ. А если я замѣчу, что они и тогда не усмирятся и не захотятъ успокоиться, то я, сказалъ Зевсъ, еще разъ разсѣку ихъ пополамъ, такъ что имъ прійдется тогда уже прыгать на одной ножкѣ". Съ этими словами онъ разрѣзалъ каждаго человѣка пополамъ, какъ это дѣлаютъ, когда разрѣзаютъ рябинныя ягоды, заготовляя ихъ въ прокъ, или какъ разрѣзаютъ волосами яйца во время игры. И перерѣзавъ каждаго изъ нихъ пополамъ, онъ всякій разъ приказывалъ Аполлону перевертывать назадъ имъ и лицо и половину шеи въ сторону разрѣза, чтобы они, смотря на свой разрѣзъ, были скромнѣе; остальное же Зевсъ приказалъ ему залѣчить. Аполлонъ перевернулъ назадъ ихъ лица и, собравъ со всѣхъ сторонъ концы кожи въ одно мѣсто, которое теперь называется животомъ, завязалъ ихъ, какъ кисетъ, оставивъ отверстіе, которое теперь принято называть пупкомъ. Онъ сгладилъ также большинство другихъ морщинъ и устроилъ грудь, при помощи орудія въ родѣ того, которое употребляется сапожниками, когда они на колодкѣ разглаживаютъ морщины кожи, и оставилъ тольку нѣсколько складокъ возлѣ самаго живота и пупка на память о карѣ, когда-то постигшей ихъ.

Когда же ихъ фигура была раздѣлена надвое, каждая половина страстно тосковала по другой, и когда они встрѣчались, то обнимались и сливались другъ съ другомъ, желая срастись воедино, и умирали въ такомъ положеніи, голодая и бездѣйствуя, не желая ничего дѣ-

лать одна безъ другой. И всякій разъ, какъ одна изъ половинъ умирала, а другая оставалась, то оставшаяся отыскивала себѣ новую, съ которой она и соединялась, наталкивалась ли она на половину цѣлой женщины, называемую нами теперь женщиной, или половину цѣлаго мужчины, и такъ погибалъ весь родъ людской. Зевсъ, сжалившись надъ ними, выдумываетъ новое средство: онъ переставляетъ ихъ дѣтородные члены напередъ, ибо раньше и ихъ [1]) люди имѣли позади, и производили и рождали не другъ въ другѣ, но въ землѣ, какъ цикады[2]). Такимъ образомъ, Зевсъ переставилъ ихъ члены напередъ, отчего рожденіе происходило благодаря соединенію самца съ самкой съ тою цѣлью, чтобы, при объятіи, если мужчина сходился съ женщиной, они могли бы оплодотворяться, и чтобы не оскудѣвало потомство, а, съ другой стороны, если бы мужчина сходился съ мужчиной, чтобы они все-таки имѣли бы, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніе отъ своего соитія, а затѣмъ разлучившись, вновь обратились бы къ труду и обычнымъ заботамъ дня. Такъ вотъ съ какихъ давнихъ поръ внѣдрена людямъ любовь другъ къ другу, любовь, которая возвращаетъ имъ прежнюю природу, старается сплотить воедино двѣ половины и такимъ образомъ исцѣлить человѣческую природу.

---

1) Какъ и лицо.

2) Кобылки, кузнечики. „Самка кузнечика дѣлаетъ это посредствомъ иглы, находящейся въ задней ея части и составляющей третью часть длины всего животнаго. Этою иглою она буравитъ землю и кладетъ яйца въ пробуравленный песокъ, гдѣ солнечная теплота оплодотворяетъ ихъ" (Вольфъ).

XVI.

Такимъ образомъ, каждый изъ насъ—только одна половина [1]), такъ какъ онъ, будучи отдѣленъ отъ своего цѣлаго, подобно камбалѣ, изъ одного превратился въ двоихъ. Поэтому, каждый всегда разыскиваетъ свою половину. Мужчины, которые составляютъ отрѣзъ отъ того цѣлаго, которое нѣкогда называлось андрогиномъ, женолюбивы, и большинство прелюбодѣевъ произошло изъ этой породы, а равнымъ образомъ изъ этой же породы произошли всѣ тѣ женщины, которыя неравнодушны къ мужчинамъ и являются нарушительницами супружеской вѣрности. А всѣ тѣ женщины, которыя составляютъ отрѣзокъ отъ двойной женщины, не обращаютъ вниманія на мужчинъ, но болѣе расположены къ женщинамъ, и къ этой породѣ относятся трибады [2]). Тѣ же, которые являются отрѣзками отъ мужчины, стремятся къ мужчинамъ, и въ дѣтствѣ являясь отрѣзками мужчины, уже въ дѣтствѣ любятъ они мужчинъ, находятъ удовольствіе лежать возлѣ нихъ и обниматься съ ними, и такіе люди—лучшіе среди мальчиковъ и взрослыхъ юношей, такъ какъ, по самой своей природѣ, они наиболѣе мужественны. Правда, нѣкоторые [3]) назы-

---

[1]) Tessera hospitalis, ξύμβολον—кубикъ или дощечка, которую хозяинъ давалъ гостю на прощанье; ее ломали на двѣ части, и каждый изъ двухъ сохранялъ ее, чтобы при новой встрѣчѣ узнать другъ друга и возобновить прежнее знакомство,—«контрамарка».

[2]) Трибадія—женскій порокъ, соотвѣтствующій мужскому „педерастіи“,—неестественная чувственная любовь у женщинъ другъ къ другу.

[3]) Т.-е. тѣ, о которыхъ говорилъ Павваній — гл. IX. „нѣкоторые даже осмѣливаются утверждать, будто вообще позорно дарить свои ласки любящему“.

ваютъ ихъ безстыдными, но это ошибочно, ибо такъ поступаютъ они не отъ безстыдства, но оттого, что они вслѣдствіе своей храбрости, смѣлости и мужественности любятъ то, что походитъ на нихъ самихъ. Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться изъ того, что только изъ ихъ среды съ годами выходятъ люди преимущественно способные къ политической дѣятельности. Когда же они возмужаютъ, они опять-таки любятъ мальчиковъ; къ браку и рожденію дѣтей по своей природѣ они совершенно не склонны, (и только законъ можетъ ихъ принудить къ этому) [1]), сами они вполнѣ довольствуются холостою жизнью другъ съ другомъ. Такъ или иначе такіе люди или любятъ мальчиковъ или дѣлаются друзьями любовниковъ, всегда тяготѣя къ родственному. А когда случается тому, кто любитъ мальчиковъ, или другому кому-нибудь [2]) сойтись съ своей половиной, тогда ихъ такъ поразительно охватываютъ узы дружбы, довѣрчивости и любви, что не желаютъ, такъ сказать, даже на минуту разлучиться другъ съ другомъ. И эти люди, которые проводятъ вмѣстѣ цѣлую жизнь, все-таки не могли бы сказать, чего они хотѣли бы другъ отъ друга. Вѣдь, тутъ нельзя было бы предположить вліянія сожительства, чтобы изъ-за него только каждый такъ усердно желалъ быть вмѣстѣ съ другимъ, но, очевидно, душа каждаго изъ нихъ порывается къ чему-то иному, чего

---

[1]) Мѣсто въ скобкахъ ошибочно: въ Аѳинахъ никого законъ не заставлялъ вступать въ бракъ.

[2]) А именно—человѣку, происшедшему изъ андрогина или двойной женщины.

она не въ состоянiи выразить, но что она предчувствуетъ и даетъ предугадывать. И если предъ ними, когда они лежатъ въ объятiяхъ другъ у друга, предсталъ бы Гефестъ со своими инструментами [1]) и спросилъ бы: „Чего вы, люди, хотите другъ отъ друга?" и если бы, въ случаѣ ихъ затрудненiя отвѣтомъ, онъ снова спросилъ бы ихъ: „Быть-можетъ, вы желаете, оставаться по возможности другъ съ другомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, чтобы ни днемъ ни ночью не разлучаться. Ибо если таково именно ваше желанiе, я васъ скую и сварю во-едино, такъ что васъ будетъ уже не двое, а одинъ, и пока вы будете жить, вы будете жить общею жизнью, какъ одинъ человѣкъ, и когда вы будете умирать, васъ будетъ даже тамъ, въ подземномъ мiрѣ, такъ какъ вы умрете единою смертью, не двое, а одно лицо. Поэтому смотрите, нравится ли вамъ именно это, и будете ли вы довольны, разъ вы этого достигнете". Услыхавъ подобныя рѣчи, никто, какъ мы хорошо знаемъ, не отказался бы отъ этого и не выразилъ бы какого-нибудь иного желанiя, но прямо-таки рѣшилъ бы, что онъ слышалъ именно то, къ чему онъ уже давнымъ-давно стремился, — а именно къ тому, чтобы, сойдясь и слившись во-едино съ любимымъ человѣкомъ, изъ двухъ сдѣлаться единымъ существомъ. Причина этого—та, что наша исконная природа была такова, и мы составляли неразрывное цѣлое. Этому желанiю и стремленiю къ цѣлому и есть имя Эросъ. Прежде, какъ я сказалъ, мы составляли единое цѣлое, а потомъ

[1]) См. Одиссея VIII, 266 и слѣд.

за нашу грѣховность насъ разъединилъ и разсѣялъ богъ, какъ аркадійцевъ лакедемоняне [1]). Поэтому надо опасаться, чтобы намъ, если мы не будемъ нравственны въ отношеніи къ богамъ, не пришлось быть снова разсѣченными и не пришлось бы блуждать вродѣ тѣхъ фигуръ, которыя изображаются въ профиль на могильныхъ камняхъ, съ разрѣзанными вдоль ноздрями, или сдѣлаться вродѣ распиленныхъ пополамъ костей. Поэтому-то всякій человѣкъ долженъ поощрять другого быть богобоязливымъ, чтобы мы избѣгли новаго разъединенія и достигли бы прежняго единства, въ чемъ нашъ вождь и руководитель—Эросъ. Никто не долженъ дѣлать наперекоръ этому послѣднему—а дѣлаетъ ему наперекоръ тотъ, кто враждуетъ съ богами. Вѣдь, если мы будемъ жить въ любви и согласіи съ богомъ, мы будемъ такъ или иначе находить своихъ собственныхъ любимцевъ, что теперь удается только немногимъ. И пусть Эриксимахъ не перетолковываетъ мою рѣчь въ смѣшную сторону, какъ будто я разумѣлъ здѣсь Павзанія и Агатона; вѣдь, можетъ-быть, и они принадлежатъ къ этимъ немногимъ счастливцамъ, будучи оба мужественной породы [2]). Но я говорю о всѣхъ вообще, и о мужчинахъ и о женщинахъ, что родъ нашъ тогда будетъ счастливымъ, когда мы достигнемъ цѣли любви и каждый найдетъ сроднаго ему любимца, чтобы такимъ обра-

---

1) Лакедемоняне вторглись въ Аркадію, разрушили стѣны Мантинеи и развезли ея жителей по разнымъ мѣстамъ. См. Ксенофонтъ, Гелленика V, ч.

2) Аристофанъ смѣется надъ Агатономъ. Въ «Женщинахъ на праздникѣ Θесмофоріи» Аристофанъ выводитъ Агатона женоподобнымъ; см. стихъ 31 и слѣд.

зомъ возвратиться къ древней природѣ. Такимъ образомъ, изъ того, что это состоянiе наилучшее, по необходимости вытекаетъ, что изъ наличныхъ состоянiй будетъ наилучшимъ то, которое болѣе всего приближается къ этому, а именно: обладанiе любимцемъ, который былъ бы намъ вполнѣ по душѣ.

И если мы должны прославлять бога, который посылаетъ намъ такое счастье, то во всякомъ случаѣ мы должны прославлять Эроса, который и въ настоящей жизни оказываетъ намъ много добра, ведя насъ къ тому, что сродни намъ, а въ будущемъ подавая великiя надежды, если мы только будемъ благочестивы въ отношенiи боговъ, возвратить насъ къ прежней природѣ и, исцѣливъ, сдѣлать и счастливыми и блаженными.

Вотъ, Эриксимахъ, сказалъ онъ, моя рѣчь объ Эросѣ; она совсѣмъ не похожа на твою. Но, какъ я уже просилъ тебя, не смѣйся теперь надъ нею, чтобы намъ можно было выслушать, что скажутъ и остальные, или вѣрнѣе, двое другихъ, ибо не говорили еще только Агатонъ и Сократъ.

XVII.

Послушаюсь тебя, сказалъ Эриксимахъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь твоя пришлась мнѣ по вкусу. И если бы я не былъ убѣжденъ, что Сократъ и Агатонъ не ударятъ лицомъ въ грязь въ вопросахъ о любви, мнѣ очень бы пришлось опасаться, какъ бы они не очутились въ затруднительномъ положенiи, такъ какъ вопросъ уже достаточно исчерпанъ съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Но я и теперь не боюсь за нихъ. На это Сократъ отвѣчалъ: Ты прекрасно выпутался изъ своего затруднительнаго положенія, Эриксимахъ. Но если бы ты очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ нахожусь я, или въ какомъ, вѣроятно, я буду находиться, когда Агатонъ скажетъ свою рѣчь, тогда бы ты дѣйствительно узналъ бы и страхъ и невозможныя опасенія, какъ это знаю теперь я". „Ты хочешь оговорить меня, Сократъ, отвѣчалъ Эриксимахъ, съ тѣмъ, чтобы я потерялъ голову, вообразивъ себѣ, что это собраніе питаетъ большія надежды, ожидая, что я скажу прекрасную рѣчь". „У меня была бы очень плохая память, отвѣчалъ Сократъ, если бы я, видѣвъ твою увѣренность и твое полное присутствіе духа, когда ты всходилъ, окруженный актерами, на подмостки сцены и безъ малѣйшаго смущенія смотрѣлъ въ лицо многочисленной толпѣ зрителей, передъ которыми ты долженъ былъ говорить свои рѣчи,—подумалъ, что ты смутился бы теперь передъ нашей маленькой компаніей.—Ахъ, Сократъ, возразилъ Агатонъ, неужели же ты полагаешь, что театръ настолько вскружилъ мнѣ голову, что я не знаю, насколько страшнѣй для человѣка здравомыслящаго немного людей понимающихъ, нежели толпа невѣждъ? — Во всякомъ случаѣ, Агатонъ, отвѣчалъ Сократъ, я былъ бы крайне не правъ, если бы я составилъ о тебѣ такое нелѣпое мнѣніе, и мнѣ хорошо извѣстно, что, находясь въ обществѣ лицъ, которыхъ ты считаешь мудрыми, ты отдаешь предпочтеніе имъ скорѣе, нежели толпѣ, но, вѣдь, мы не таковы, такъ какъ и мы были въ театрѣ и мы принадлежали къ

толпѣ. Вотъ если бы ты встрѣтился съ другими, дѣйствительными мудрецами, можетъ-быть, тебѣ и было бы неловко передъ ними, если бы ты думалъ сдѣлать что-нибудь такое, чего они не одобрили бы. Какъ ты полагаешь? „Ты правъ, конечно“, отвѣчалъ Агатонъ.— Ну, а толпы ты не постыдился бы, если бы намѣревался сдѣлать что нибудь предосудительное?—Но тутъ Федръ прервалъ его и сказалъ: Любезный Агатонъ, если ты будешь продолжать отвѣчать Сократу, то для него будетъ совершенно безразлично, что бы здѣсь кругомъ ни творилось, лишь бы только у него былъ человѣкъ, съ которымъ онъ могъ бесѣдовать, въ особенности, если тотъ будетъ красивъ. Хотя я съ удовольствіемъ слушаю, когда Сократъ говоритъ, однако теперь мнѣ [1]) необходимо позаботиться о томъ, чтобы Эросу была воздана хвала, и заполучить отъ каждаго изъ васъ его рѣчь. Поэтому воздайте каждый изъ васъ должное богу, а потомъ уже продолжайте свою бесѣду.—Дѣльно сказано, Федръ, сказалъ Агатонъ, да ничто и не мѣшаетъ сказать мнѣ свое слово, потому что я буду имѣть случай бесѣдовать съ Сократомъ не разъ и впослѣдствіи.

XVIII. Но я намѣренъ сначала сказать, какъ я буду говорить, а потомъ уже говорить. Вѣдь, всѣ, говорившіе до сихъ поръ, повидимому, не бога восхваляли, но счастье людское за тѣ блага, какія имъ посылаетъ этотъ богъ. А каковъ самъ онъ, податель этихъ благъ, этого ни одинъ не выяснилъ намъ. Един-

---

[1]) Какъ *πατὴρ λόγου*, см. главу V.

ственно же правильный способъ всякой похвалы относительно каждаго лица показать въ мотивированной рѣчи, какими свойствами обладаетъ тотъ, о комъ идетъ рѣчь, и виновникомъ какихъ благъ является онъ. Поэтому-то и намъ слѣдуетъ сначала восхвалить самого Эроса, а потомъ—его дары. Поэтому я утверждаю, что среди всѣхъ блаженныхъ боговъ Эросъ— если позволительно это сказать, не рискуя навлечь на себя кару—самый блаженный, такъ какъ онъ самый красивый и самый добрый. Самый красивый онъ вслѣдствіе слѣдующихъ свойствъ: во-первыхъ, дорогой Федръ, онъ— самый молодой изъ боговъ. Самое убѣдительное доказательство въ пользу этого утвержденія даетъ онъ намъ самъ, бѣгомъ убѣгающій отъ старости, хотя она, очевидно, и очень проворна; по крайней мѣрѣ, она приходитъ къ намъ гораздо быстрѣе, нежели это нужно. Эросъ ненавидитъ ее всѣмъ своимъ существомъ и удаляется отъ нея возможно дальше. Но онъ всегда вращается среди молодого, будучи самъ молодымъ, и здѣсь вполнѣ справедлива извѣстная старая пословица: „подобное всегда тяготѣетъ къ подобному". Поэтому, хотя я и согласенъ съ Федромъ во многомъ другомъ, я не могу согласиться съ нимъ относительно того, будто Эросъ старше Кроноса [1]) и Іапета; напротивъ, я утверждаю, что онъ—самый молодой изъ боговъ, что онъ всегда юнъ, и что тѣ древнія дѣла [2]) между богами, про которыя разсказываютъ Гезіодъ и Парменидъ, совершались подъ вліяніемъ Необходимости, а

[1]) Старѣйшіе братья титаны. Кроносъ иначе — Сатурнъ.

[2]) См. гл. VI.

не подъ вліяніемъ Эроса, если только вѣрны разсказы этихъ поэтовъ. Ибо между богами не было бы ни оскопленій[1]), ни цѣпей, ни многихъ другихъ насилій, если бы между ними былъ тогда Эросъ, но были бы среди нихъ дружба и миръ, какъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ царитъ между ними Эросъ. Такимъ образомъ онъ молодъ, а на ряду съ этимъ онъ и нѣженъ. Но здѣсь нуженъ былъ бы поэтъ такой, какимъ былъ Гомеръ, чтобы представить наглядно всю нѣжность этого бога. Гомеръ называетъ Ату — богинею, и притомъ нѣжною; по крайней мѣрѣ, онъ желаетъ представить нѣжными ея ноги и говоритъ:

Ноги нѣжны у нея, и подходитъ она незамѣтно,
Не прикасаясь къ землѣ, по людскимъ головамъ пробираясь[2]).

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что онъ прекрасно доказалъ ея нѣжность, сказавъ, что она ступаетъ не по тому, что твердо, а по тому, что мягко. Такимъ же доказательствомъ воспользуемся мы и въ отношеніи Эроса, чтобы доказать его нѣжность. Онъ ходитъ не по землѣ и даже не по головамъ, которыя все-таки не такъ ужъ мягки, но по самому мягкому изъ всего существующаго и тамъ обитаетъ. Вѣдь, онъ водворяется въ сердцахъ и душахъ боговъ и людей, и притомъ не безразлично во всѣхъ, но онъ бѣжитъ душъ, въ которыхъ встрѣтитъ суровость, и водворяется лишь въ душахъ мягкихъ. И такъ какъ Эросъ касается не

---

[1]) Такъ, между прочимъ, поступилъ Зевсъ съ своимъ отцомъ Кроносомъ (Рожденіе Афродиты).

[2]) Иліада XIX, 92 и сл.

только ногами, но и всѣмъ своимъ остальнымъ существомъ мягчайшаго изъ мягчайшаго, то онъ по необходимости долженъ быть чрезвычайно нѣженъ. И такъ онъ въ высшей степени молодъ и нѣженъ, а сверхъ того и гибокъ по своей природѣ, иначе, вѣдь, если бы онъ былъ жесткимъ, онъ не могъ бы всюду приспосабливаться, то проникая во всякую душу, то выходя изъ нея самымъ незамѣтнымъ образомъ. Большимъ доказательствомъ въ пользу его способности приноравливаться и гибкости является грація, которою Эросъ, по всеобщему признанію, обладаетъ болѣе, нежели кто нибудь другой, ибо безобразіе и Эросъ находятся въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ. А о красотѣ его кожи красцорѣчиво говоритъ его образъ жизни среди цвѣтовъ. И дѣйствительно, Эросъ не водворяется тамъ, гдѣ нѣтъ цвѣтовъ или гдѣ они поблекли, будь это тѣло, или душа, или иное что-нибудь, но онъ садится и живетъ тамъ, гдѣ онъ находитъ цвѣты и ароматъ.

XIX. Относительно красоты бога достаточно и этихъ доказательствъ, хотя предметъ далеко еще не исчерпанъ. А теперь скажемъ о добродѣтеляхъ Эроса [1]).

---

[1]) Аргументировка группируется около четырехъ кардинальныхъ добродѣтелей, а именно вокругъ справедливости, самообладанія, мужества и мудрости: точка зрѣнія обыденной этики, которой противопоставляется положеніе Сократа о единствѣ добродѣтели См. Ксеноф. Воспоминанія Ш, 9, 4; IV, 6, 5 и слѣд. Платонъ, Протагоръ 329 В и слѣд. 349 В и слѣд. и въ другихъ мѣстахъ. Въ „Государствѣ“ (IV, 441 С и слѣд.) Платонъ сводитъ добродѣтели къ различію частей души, проявляющихся въ нравственной дѣятельности. Часто можно встрѣтить указанія и на пятую добро-

Важнѣйшая изъ нихъ заключается въ томъ, что Эросъ не получаетъ обиды ни отъ боговъ, ни отъ людей и самъ не обижаетъ ихъ. И дѣйствительно, если онъ самъ страдаетъ или причиняетъ страданіе другимъ, то здѣсь нѣтъ никакого насилія; вѣдь, насиліе несовмѣстимо съ любовью. Любви всякій подчиняется во всемъ добровольно, а всякое добровольное соглашеніе между людьми признаютъ справедливымъ и „законы, владыки государства". Но Эросъ отличается не только справедливостью, но и величайшимъ самообладаніемъ. Ибо единогласно признается, что самообладаніе заключается въ умѣніи господствовать надъ удовольствіями и страстями. А какое удовольствіе сильнѣе любви? А разъ всѣ удовольствія и страсти слабѣе Эроса, то онъ господствуетъ, а они подчиняются, а разъ онъ является господиномъ надъ удовольствіями и надъ страстями, отсюда слѣдуетъ, что онъ отличается величайшимъ самообладаніемъ. Мало того, даже въ отношеніи храбрости съ Эросомъ не „подъ силу бороться и самому Аресу": вѣдь, не Аресъ владѣетъ Эросомъ, но, какъ извѣстно, Эросъ владѣетъ Аресомъ, т.-е. любовь къ Афродитѣ [1]. А вѣдь, тотъ, кто владѣетъ, сильнѣе того, кѣмъ владѣютъ. Владѣя же тѣмъ, онъ является самымъ храбрымъ изъ остальныхъ, и самъ долженъ быть наихрабрѣйшимъ изъ всѣхъ. Такимъ образомъ, мы говорили уже о справедливости, самообладаніи и мужествѣ бога;

дѣтель—благочестивое отношеніе къ богамъ. См. Протагоръ 330 В. 349 В. Лахетъ 199 D. Ксеноф. Воспомин. IV, 6.

[1]) Любовь къ Венерѣ. Намекъ на извѣстное любовное приключеніе Ареса съ Венерой. Одиссея VII, 266.

намъ остается сказать теперь о его мудрости. Поэтому и здѣсь, насколько возможно, постараемся отдать ему должное. И прежде всего, чтобы и мнѣ, въ свою очередь, почтить свое искусство, какъ Эриксимахъ почтилъ свое, я скажу: богъ этотъ — такой мудрый поэтъ, что дѣлаетъ поэтомъ всякаго, кого заблагоразсудится. Каждый, по крайней мѣрѣ, разъ его коснется Эросъ, становится поэтомъ, „хотя бы раньше онъ и былъ чуждъ музамъ". А это служитъ намъ доказательствомъ въ пользу того, что Эросъ—вообще прекрасный художникъ, способный производить все, что относится къ творчеству музъ: вѣдь, чего самъ не имѣешь, того и другому не дашь, а чего самъ не знаешь, тому и другого не научишь. Мало того, даже въ дѣлѣ созданія всѣхъ живыхъ существъ кто сталъ бы оспаривать, что все живое и существованіемъ своимъ и своимъ возникновеніемъ обязано премудрости Эроса? А что касается мастерства въ искусствахъ, то развѣ мы не видимъ, что всякій, кто вдохновлялся этимъ богомъ, достигалъ и славы и блеска, и, напротивъ, пропадалъ во мракѣ неизвѣстности, если не вдохновлялся его уроками? Вѣдь, что иное, какъ не страсть и любовь [1]), руководило Аполлономъ, когда онъ открылъ искусство стрѣльбы изъ лука, искусство врачеванія и искусство прорицанія? Такимъ образомъ, и онъ былъ ученикомъ Эроса, равно какъ отъ него же музы научились музыкѣ, Гефестъ—кузнечеству, Аѳина—тканью, а Зевсъ управленію богами и людьми. Вотъ почему сейчасъ же во-

---

[1]) «Любовь къ вещи». «Страстная наклонность къ открытію неизвѣстнаго».

ворилось согласіе между богами, какъ только пришелъ къ нимъ Эросъ, т.-е. любовь къ красотѣ, такъ какъ Эросъ не терпитъ безобразнаго. Прежде Эроса, какъ я уже сказалъ, между богами творилось много ужаснаго, благодаря господству Необходимости. Но какъ только появился на свѣтъ этотъ богъ, изъ любви къ прекрасному произошли всякія блага и для боговъ и для людей. Вотъ почему мнѣ кажется, дорогой Федръ, что Эросъ прежде всего самъ долженъ былъ быть прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ существомъ, а потомъ уже передать и другимъ тѣ же преимущества, которыми обладаетъ самъ. Мнѣ даже приходитъ въ голову кое-что, укладывающееся въ размѣръ. А именно:

Миръ человѣку, спокойствіе морю, молчаніе вѣтру,
Сердцу тревожному ложе покоя и сна онъ даруетъ.

Онъ спасаетъ насъ отъ отчужденія и внушаетъ намъ довѣрчивость другъ къ другу, устраивая среди насъ всякія собранія подобнаго рода, и бываетъ нашимъ руководителемъ во время празднествъ, въ хорахъ и во время жертвоприношеній. Онъ вноситъ въ наши отношенія мягкость и изгоняетъ грубость; онъ щедръ на благоволеніе и скупъ на злобу, милостивъ къ добрымъ; онъ—предметъ уваженія для мудрыхъ и предметъ удивленія для боговъ; предметъ желаній для обездоленныхъ; сокровище для тѣхъ, кто имъ владѣетъ; отецъ роскоши, нѣги, радостей и страстныхъ желаній; онъ печется о добрыхъ и знать не хочетъ злыхъ; въ нашихъ трудахъ, тревогахъ, порываніяхъ, мысляхъ онъ—лучшій руководитель, наставникъ, помощникъ и спаситель; онъ—

украшеніе всѣхъ боговъ и людей, самый прекрасный и самый добрый учитель; и всякій смертный долженъ слѣдовать за нимъ, повторяя за нимъ гимны и пѣсни, которые онъ распѣваетъ, смягчая душу боговъ и людей. Вотъ моя рѣчь, въ которой я перемѣшалъ, насколько было возможно, и легкую шутку и серьезные взгляды,—ее я и посвящаю и нашему богу".

XX. Когда Агатонъ окончилъ свою рѣчь, продолжалъ Аристодемъ; рѣчь Агатона вызвала единогласный громъ рукоплесканій у присутствовавшихъ, такъ какъ молодой человѣкъ [1]) говорилъ достойно и себя и бога. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эриксимаху, сказалъ: „Сынъ Акумена, не кажется ли тебѣ теперь, что прежнее опасеніе мое было не напрасно? И не кажется ли тебѣ, что слово мое было пророческимъ, когда я говорилъ что Агатонъ скажетъ чудную рѣчь и что я буду поставленъ въ затруднительное положеніе?..—Одно, отвѣчалъ Эриксимахъ, дѣйствительно, ты сказалъ пророчески, т.-е. что Агатонъ скажетъ прекрасную рѣчь; другому же, что ты будешь поставленъ въ затруднительное положеніе, я не вѣрю.—Да какъ же любезный другъ, сказалъ Сократъ, мнѣ, да и всякому другому, кто захотѣлъ бы говорить, не стать втупикъ послѣ такой прекрасной и содержательной рѣчи? И если вся она представляетъ не одинаково высокій интересъ, то какого слушателя не поразитъ ея конецъ, удивительный и по выбору и сочетанію словъ. Я, по крайней мѣрѣ, убѣдившись, что мнѣ даже приблизительно не

---

[1]) Ему было около 32 лѣтъ.

удастся сказать что-нибудь такое прекрасное, готовъ былъ бы со стыда бѣжать куда-нибудь, если бы только было куда. Вѣдь, рѣчь Агатона напоминаетъ мнѣ о Горгіи; такъ что со мной случилось какъ-разъ то, что разсказано у Гомера: я боялся, какъ бы Агатонъ, заканчивая свою рѣчь, не пустилъ бы какъ-нибудь въ мою рѣчь головою Горгія [1]), этого страшнаго оратора, и не превратилъ бы меня въ безгласный камень. И тутъ-то я понялъ, насколько я былъ смѣшонъ, вызвавшись вмѣстѣ съ вами съ своей стороны воздать хвалу Эросу и заявивъ себя мастеромъ въ эротическихъ дѣлахъ, совсѣмъ не понимая того, какъ нужно восхвалять что бы то ни было. Въ своей простотѣ я полагалъ, что о каждомъ восхваляемомъ предметѣ нужно говорить лишь правду, и что это—самое существенное, а затѣмъ выбрать изъ собранныхъ фактовъ наиболѣе выдающіеся и расположить ихъ по возможности въ надлежащемъ порядкѣ. И я черезчуръ уже былъ увѣренъ въ себѣ, что я буду говорить хорошо, полагая, что мнѣ извѣстно истинное умѣніе восхвалять что бы то ни было. Но совсѣмъ не въ этомъ, повидимому, заключается истинный способъ похвалы какой-нибудь вещи, но—въ томъ, чтобы приписывать ей по возможности наилучшія и наивеличайшія качества, такова ли она въ дѣйствительности или нѣтъ, приписывать хотя бы даже ложь, безразлично. Вѣдь, заранѣе было

---

[1]) Од. XI, 632.

Горгій, извѣстный риторъ и философъ, особенно процвѣталъ около 496 - 400 гг. до Р. Х., жилъ до глубокой старости. Въ философіи ученикъ Эмпедокла, въ риторикѣ Тизія изъ Сиракузъ.

установлено, повидимому, чтобы каждый изъ насъ показывалъ видъ, что онъ хвалитъ Эроса, а не дѣлалъ бы впечатлѣнія, будто онъ его дѣйствительно восхваляетъ. И думается мнѣ, вы оттого такъ усердно приписываете всевозможныя совершенства Эросу и выставляете его такимъ великимъ, и притомъ виновникомъ столь великихъ благъ, что желаете показать его съ наиболѣе прекрасной и выгодной стороны, конечно, не въ глазахъ людей свѣдущихъ, а, очевидно, для людей, не знающихъ его. И дѣйствительно, такая похвальная рѣчь и красива и дѣлаетъ свое впечатлѣніе, но я не зналъ такого способа хвалить и, не зная, самъ далъ свое согласіе принять, въ свою очередь, участіе въ общей похвалѣ. Такимъ образомъ, согласіе далъ мой языкъ, а не мое сердце [1]). Такъ, прощай она, такая похвала! Хвалить такимъ образомъ я не буду, да я и не могъ бы. Но тѣмъ не менѣе, если позволите, я скажу правду по-своему, не равняясь съ вашими рѣчами, чтобы не возбудить смѣха. Смотри же, Федръ, годится ли для тебя на что-нибудь и такая рѣчь, въ которой объ Эросѣ будетъ говориться только правда, и притомъ безъ всякой изысканности въ словахъ и сочетаніяхъ, а такъ, какъ они придутъ въ голову?— Тутъ Федръ и другіе гости, разсказывалъ Аристодемъ, стали просить его говорить такъ, какъ именно самъ онъ найдетъ для себя лучшимъ.—Позволь мнѣ еще, дорогой Федръ, сказалъ Сократъ, задать нѣсколько небольшихъ вопросовъ Агатону, чтобы, столковавшись

---

[1]) Намекъ на извѣстный стихъ изъ Эврипида „Ипполитъ", 632.

съ нимъ, я могъ говорить уже съ большею увѣренностью.—Я ничего противъ этого не имѣю, сказалъ Федръ, спрашивай.—И тогда Сократъ, говоритъ Аристодемъ, началъ приблизительно такъ:

XXI. Правда, дорогой Агатонъ, ты, какъ мнѣ кажется, очень удачно началъ свою рѣчь, сказавъ, что сначала нужно показать, какова именно природа Эроса, а потомъ уже перейти къ изображенію его дѣла. Такое начало мнѣ очень нравится. Разъ ты вообще такъ прекрасно и такъ блестяще развивалъ свои взгляды о природѣ Эроса, скажи мнѣ и то, есть ли Эросъ—любовь кого-нибудь или чего-нибудь опредѣленнаго, или нѣтъ. Я не спрашиваю этимъ тебя о томъ, есть ли Эросъ любовь къ отцу или любовь къ матери,—ибо такая постановка вопроса была бы смѣшна, и это походило бы на то, какъ если бы я сталъ спрашивать у отца, есть ли отецъ кого-нибудь или нѣтъ, и, конечно, если бы ты захотѣлъ мнѣ отвѣчать послѣдовательно правильно, ты сказалъ бы, что отецъ есть отецъ сына или дочери. Такъ или нѣтъ?—Во всякомъ случаѣ такъ, отвѣчалъ Агатонъ.—Не то же ли самое и относительно матери?—И съ этимъ согласился Агатонъ.—Такъ отвѣчай мнѣ еще немного, чтобы ты могъ лучше понять, чего я хочу отъ тебя. Вѣдь, если бы я спросилъ и относительно брата, что ты сказалъ бы на это? Братъ, будучи тѣмъ самымъ, что онъ есть [1]), есть ли братъ кого-нибудь или нѣтъ?—Разумѣется, да, отвѣчалъ Агатонъ.—Стало-быть, брата или сестры?—И съ этимъ онъ

[1]) Въ силу этого свойства.

согласился.—Попытайся, сказалъ Сократъ, сказать и относительно любви, есть ли она любовь къ чему-нибудь или ни къ чему?—Разумѣется, къ чему-нибудь. —Теперь, сказалъ Сократъ, запомни твердо, чья любовь Эросъ, и скажи мнѣ только, желаетъ ли Эросъ того, чего онъ есть любовь, или нѣтъ?—Во всякомъ случаѣ да, отвѣчалъ Агатонъ.—Владѣетъ ли уже онъ тѣмъ, къ чему горитъ желаніемъ и любовью, или еще не владѣетъ? — Повидимому, сказалъ Агатонъ, не владѣетъ.—Подумай, сказалъ Сократъ, что вмѣсто вѣроятности не необходимо ли дѣло обстоитъ такъ, что желающее желаетъ того, въ чемъ оно испытываетъ нужду, и не желаетъ того, въ чемъ не имѣетъ нужды. Что касается меня, Агатонъ, мнѣ представляется это, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени необходимымъ, а тебѣ какъ?—И мнѣ, отвѣчалъ Агатонъ, точно такъ же.—Прекрасно, такимъ образомъ могъ ли бы кто-нибудь, будучи большимъ, пожелать быть большимъ, или, будучи сильнымъ, пожелать быть сильнымъ? Согласно тому, къ чему мы уже пришли, это невозможно, ибо обладающій какими-нибудь свойствами не можетъ въ то же время желать ихъ. Совершенно справедливо; вѣдь, если бы сильный пожелалъ быть сильнымъ, сказалъ Сократъ, быстрый—быстрымъ, а здоровый—здоровымъ, ибо, можетъ-быть, кто-нибудь могъ бы объ этомъ и обо всемъ подобномъ подумать, то тѣ, которые уже являются таковыми и уже обладаютъ этими свойствами, все-таки еще могутъ стремиться къ тому, чѣмъ они обладаютъ. Такимъ образомъ, чтобы намъ не обмануться, я подчеркиваю это; вѣдь подобнымъ людямъ,

Агатонъ, необходимо въ настоящій моментъ обладать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они обладаютъ, хотятъ ли они того, или нѣтъ. Но кто же можетъ желать этого? И если бы кто-нибудь сказалъ: я, человѣкъ здоровый, хочу быть здоровымъ, или: я, человѣкъ богатый, хочу быть богатымъ и желаю какъ-разъ всего того, что я имѣю, то мы сказали бы ему: ты, другъ мой, обладая богатствомъ, здоровьемъ и силой, желаешь обладать ими въ будущемъ, ибо въ настоящемъ ты, хочешь ли ты того или нѣтъ, уже обладаешь ими; поэтому взвѣсь, не говоришь ли ты, своимъ утвержденіемъ: я желаю настоящаго,—только то: я желаю, чтобы это настоящее было и въ будущемъ. Не правда ли, онъ согласился бы съ этимъ?—Агатонъ подтвердилъ это. На это Сократъ сказалъ: И развѣ не значитъ для него *любить* то, чего у него нѣтъ въ наличности и чѣмъ онъ еще не обладаетъ, *желать сохранить* настоящее и на будущее время?—Во всякомъ случаѣ, да. — Такимъ образомъ, этотъ и всякій другой желающій желаетъ того, чего у него нѣтъ въ наличности, желаетъ того, чѣмъ онъ не обладаетъ, чѣмъ онъ самъ не является и въ чемъ онъ нуждается. Таковы, стало-быть, тѣ предметы, на которые направлены желанія и любовь?—Во всякомъ случаѣ.—Ну, сказалъ Сократъ, условимся еще разъ относительно сказаннаго. Не правда ли, любовь есть прежде всего любовь къ чему-нибудь, а затѣмъ любовь къ тому, въ чемъ кто-нибудь испытываетъ потребность?—Да, сказалъ онъ.—Теперь припомни, возразилъ Сократъ, чего именно любовью является въ твоей рѣчи Эросъ. Если хочешь, я напомню

тебѣ объ этомъ. Мнѣ думается именно, что ты сказалъ приблизительно такъ, что согласіе между богами было устроено благодаря любви къ прекрасному, ибо любви къ безобразному не существуетъ. Не такъ ли приблизительно говорилъ ты?—Да, я сказалъ такъ, отвѣчалъ Агатонъ.—И ты сказалъ весьма умѣстно, другъ мой, замѣтилъ Сократъ, и разъ это такъ, то не согласишься ли ты, что Эросъ есть любовь къ прекрасному, а не къ безобразному? — Онъ согласился съ этимъ.—Не согласились ли мы также и относительно того, что Эросъ стремится къ тому, въ чемъ онъ нуждается и чего онъ не имѣетъ?—Да, сказалъ онъ.—Итакъ, Эросъ нуждается въ красотѣ и не имѣетъ ея?—Разумѣется, отвѣчалъ Агатонъ.—Такъ ты утверждаешь, что то, что нуждается въ красотѣ и совершенно не обладаетъ ею, есть красота?—Конечно, нѣтъ.—Такъ не согласишься ли ты, признавая это, что Эросъ обладаетъ красотой? Я очень боюсь, Сократъ, отвѣчалъ Агатонъ, что я не отдавалъ себѣ вполнѣ отчета во время тогдашней своей рѣчи.—И тѣмъ не менѣе ты, Агатонъ, говорилъ красиво, сказалъ Сократъ. Но еще два слова. Доброе не кажется ли тебѣ также прекраснымъ?—Разумѣется, да.—Если, такимъ образомъ, Эросъ нуждается въ прекрасномъ, а доброе прекрасно, то онъ нуждается также и въ добромъ?—Съ этимъ приходится согласиться, Сократъ, я не могу спорить съ тобой.—Ты не можешь, возразилъ Сократъ, противорѣчить истинѣ, а противорѣчить Сократу—дѣло нехитрое.

XXII. Но какъ бы то ни было, я оставлю теперь тебя и перейду къ рѣчи объ Эросѣ, которую мнѣ

пришлось слышать отъ мантинеянки Діотимы [1]). Мудрая какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, она добилась для аѳинянъ, приносившихъ однажды жертву передъ чумой, отсрочки бѣды на десять лѣтъ. Она и меня научила эротическимъ дѣламъ, и эту-то рѣчь я попытаюсь передать вамъ, принявъ во вниманіе и результаты нашей бесѣды съ Агатономъ съ своей точки зрѣнія, какъ сумѣю. Но нужно, Агатонъ, какъ ты справедливо замѣтилъ, изложить сначала, что такое Эросъ и каковъ онъ, а затѣмъ уже разсказать о его дѣлахъ. Мнѣ кажется, легче всего разобрать Эросъ такимъ образомъ, какъ это сдѣлала тогда эта иностранка, а именно путемъ ряда вопросовъ ко мнѣ. Вѣдь, и я самъ тогда говорилъ ей почти то же самое, что теперь говорилъ мнѣ Агатонъ, а именно, что Эросъ—великій богъ и что онъ стремится къ прекрасному. Но и она опровергла меня тѣми же доводами, какими опровергъ Агатона я, а именно, что онъ, вопреки моимъ увѣреніямъ, и не красивъ и не добръ. Тогда я сказалъ: Что говоришь ты, Діотима,—стало-быть, Эросъ безобразенъ и недобръ? На это она сказала: Выражайся лучше. Неужели ты полагаешь, что все, что не прекрасно, должно быть непремѣнно безобразно?—Конечно, такъ.—Неужели же и то, что не мудро, есть непремѣнно и

---

[1]) Отношеніе Діотимы къ Сократу — выдуманное. О личности Діотимы мы знаемъ мало. Проклъ назыв. ее пророчицей и причисляетъ къ пиѳагореянкамъ (Plat Respubl.); въ другихъ мѣстахъ ее называютъ философомъ (Lucian Eunuch. 6, Aristid. II, p. 127, Diud), а схоліастъ у Аристида называетъ ее жрицей Зевса Ликейскаго. Весь разсказъ о Діотимѣ - вымыселъ Платона.

неразумно? Развѣ ты не замѣчалъ, что между мудростью и неразуміемъ есть нѣчто среднее? [1])—Что же это такое?—Развѣ ты не знаешь, что правильное представленіе, даже не имѣющее за собою доводовъ, не есть ни знаніе,—ибо какъ могло бы необоснованное доводами дѣло быть знаніемъ, — ни незнаніе, ибо какъ дѣло, касающееся истины, могло бы быть невѣжествомъ? Поэтому правильное представленіе есть нѣчто среднее между глупостью и разумностью.—Справедливо говоришь, замѣтилъ я.—Поэтому не дѣлай натянутаго вывода, будто то, что не красиво, безобразно, и то, что не добро, зло. Поэтому, разъ признавъ и относительно Эроса, что онъ не добръ и не красивъ, не думай все-таки, что онъ непремѣнно долженъ быть злымъ и уродливымъ, но чѣмъ-то среднимъ между этими противоположностями.—И все-таки, замѣтилъ я, всѣми единогласно признано, что Эросъ—великій богъ [2]).—Ты говоришь, возразила она только о незнающихъ или также и о знающихъ?—Конечно, о всѣхъ вообще.—Тогда она засмѣялась и сказала: Какимъ же образомъ, Сократъ, могутъ утверждать, что онъ—великій богъ, тѣ, кто его и за бога-то не признаетъ?—Да кто же это, спросилъ я.—Первый, отвѣчала она, ты, вторая—я.—Откуда же ты это видишь? сказалъ я.—На это она сказала: Это я объясню тебѣ безъ труда. Скажи мнѣ, думаешь ли ты, что всѣ боги блаженны и прекрасны, или ты

---

[1]) Ступени познанія по Платону таковы: первая **αἴσθησις**, чувственное воспріятіе, потомъ **δόξα**, представленіе, и, наконецъ, **ἐπιστήμη**, знаніе. Платонъ рѣзко различаетъ двѣ послѣднія ступени.

[2]) Мнѣніе это было высказано между прочимъ и Федромъ. Гл. VI.

рѣшился бы утверждать, что кто-нибудь изъ нихъ не прекрасенъ и несчастливъ?—Конечно, нѣтъ.—Но развѣ ты не называешь счастливыми тѣхъ, которые обладаютъ добромъ и красотою?—Разумѣется, да.—Но развѣ ты не допустилъ уже относительно Эроса, что онъ по недостатку добра и красоты какъ-разъ желаетъ того, чего ему недостаетъ?—Совершенно вѣрно.—Но какимъ же образомъ могъ бы быть богомъ тотъ, кто непричастенъ ни доброму ни прекрасному?—Повидимому, это невозможно.—Такъ видишь, сказала она, и ты не признаешь Эроса богомъ.

XXIII. Но что же представляетъ собою Эросъ?—спросилъ я.—Онъ смертенъ?—Отнюдь нѣтъ.—Но что же онъ, наконецъ?—Онъ, подобно только-что сказанному мною, есть нѣчто среднее между смертнымъ и безсмертнымъ.—Что же именно, Діотима?—Онъ, Сократъ,—великій демонъ; вѣдь, всякій демонъ занимаетъ среднее мѣсто между богами и людьми.—Но какою особенною силою, сказалъ я, обладаетъ этотъ демонъ?—Силою истолкователя и посредника между богами и людьми, силою переносить на небеса молитвы и жертвоприношенія людей и возвѣщать съ небесъ заповѣди боговъ и воздаянія за принесенныя имъ жертвы. Находясь между тѣми и другими, демонъ заполняетъ промежуточное пространство, такъ что все объединяется само въ себѣ внутреннею связью. Черезъ него идетъ всякое предсказаніе и искусство жрецовъ, имѣющихъ отношеніе къ жертвоприношеніямъ, священнымъ таинствамъ, заклятіямъ и всякаго рода чарованіямъ и колдовству. Вѣдь, божество не сближается съ человѣкомъ, а благодаря

демону устанавливается всякое общеніе и бесѣда между богами и людьми, какъ во время бодрствованія, такъ и во время сна. И свѣдущій въ подобныхъ дѣлахъ есть мужъ, вдохновленный демономъ, свѣдущій же въ другомъ, въ искусствахъ или ремеслахъ, есть не болѣе, какъ заурядный ремесленникъ. Такихъ демоновъ много, и они разнообразны. Одинъ изъ нихъ—Эросъ.—Кто же его отецъ и мать?—спросилъ я.—Слишкомъ долго было бы говорить объ этомъ, отвѣчала она, но все-таки я скажу тебѣ.

Когда родилась Афродита [1]), боги задали пиръ, и на этомъ пиру между прочими присутствовалъ и Поросъ [2]), сынъ Метиды [3]). Когда они окончили обѣдъ, пришла Пенія [4]) просить милостыню, такъ какъ пирушка еще не совсѣмъ окончилась, и стала въ дверяхъ. Въ это время Поросъ, опьяненный Нектаромъ, вышелъ [5]) въ садъ Юпитера и, отяжелѣвши, заснулъ. А Пенія, подъ гнетомъ бѣдности, рѣшилась сойтись съ Поросомъ, прилегла къ нему и зачала Эроса. Вотъ почему Эросъ, зачатый въ день рожденія Афродиты, и сдѣлался слугою и спутникомъ красавицы, будучи вдобавокъ и самъ, по своей природѣ, поклонникомъ прекраснаго [6]). И такъ

---

[1]) Венера.

[2]) *Πόρος*—Изобиліе.

[3]) *Μῆτις*—Благоразуміе.

[4]) *Πενία* Бѣдность.

[5]) Изъ дворца Зевса, гдѣ, вѣроятно, происходилъ пиръ.

[6]) Значеніе миѳа *Целлеръ* объясняетъ такъ:

«Эросъ объединяетъ самыя противорѣчивыя свойства, такъ какъ въ любви объединяются и связуются и конечная и безконечная стороны

какъ онъ—сынъ Пороса и Пеніи, то онъ и очутился въ слѣдующемъ положеніи. Во-первыхъ, онъ всегда бѣденъ и далеко не такъ нѣженъ и красивъ, какъ это полагаетъ большинство людей, но грубъ, грязенъ, необутъ, безпріютенъ, всегда валяется на землѣ и безъ покрова, спитъ у дверей и на дорогахъ подъ открытымъ небомъ и при томъ, имѣя природу матери, всегда терпитъ нужду [1]). Но, съ другой стороны, походя на своего отца, онъ всегда въ поискахъ добра и красоты; онъ мужественъ, отваженъ и силенъ; онъ—ловкій стрѣлокъ, постоянно строитъ все новые планы, приверженецъ благоразумія; онъ изобрѣтателенъ; онъ философствуетъ всю жизнь; онъ—великій магъ и чародѣй; онъ—софистъ; по натурѣ своей онъ не смертенъ и не безсмертенъ, но въ одинъ и тотъ же день онъ то

нашей природы. Онъ—сынъ Пеніи и Пороса, такъ какъ любовь, съ одной стороны, происходитъ изъ потребности человѣка (см. гл. XXI), а съ другой стороны—изъ его болѣе высокой склонности пріобрѣтать недостающее ему владѣніе (πόρος значитъ не богатство, но пріобрѣтеніе). Отецъ его носитъ имя сына Метиды, ибо, какъ вообще пріобрѣтеніе является плодомъ мудрости, такъ въ особенности то пріобрѣтеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, вытекаетъ изъ разумной духовной природы человѣка. Наконецъ, Эросъ родился въ день рожденія Афродиты, такъ какъ явленіемъ прекраснаго пробуждается любовь, затрогивается высшая сторона человѣческаго существа, чтобы оплодотворять низшую, конечную и нуждающуюся, и соединиться вмѣстѣ съ нею въ одномъ стремленіи къ добру".

[1]) Всѣ эти свойства, которыя характеризуютъ наружную бѣдность, надо также отнести на счетъ пустоты, которую испытываетъ любящій, на счетъ пожирающей тоски по возлюбленномъ, наконецъ—и это—высшій типъ Эроса,—на счетъ никогда не умирающаго стремленія къ знанію.

цвѣтетъ и живетъ полною жизнью, когда ему везетъ, то угасаетъ, но опять-таки оживая вновь, совершенно въ духѣ своего отца. Все, что онъ ни пріобрѣтетъ, постоянно уплываетъ изъ его рукъ, и онъ никогда не богатѣетъ, но зато и не бѣдствуетъ. Затѣмъ онъ занимаетъ среднее мѣсто между мудростью и невѣжествомъ. И дѣйствительно, вѣдь, ни одинъ изъ боговъ не философствуетъ и не желаетъ сдѣлаться мудрымъ, такъ какъ онъ уже обладаетъ мудростью. Да и вообще никто изъ мудрыхъ не философствуетъ, равно какъ и люди невѣжественные не философствуютъ и не стремятся сдѣлаться мудрыми; вѣдь, тѣмъ-то и несносно невѣжество, что оно, не будучи ни красивымъ, ни добрымъ, ни благоразумнымъ, все-таки остается собою вполнѣ довольнымъ, а поэтому, не думая, что онъ нуждается, онъ и не желаетъ того, въ чемъ нуждается. —Такъ кто же тогда, Діотима, философствуетъ, разъ и мудрецы и невѣжды не философствуютъ?—Да это уже и ребенку понятно, отвѣчала она: конечно, тѣ, кто занимаетъ среднее мѣсто между обоими, а къ числу ихъ, безспорно, принадлежитъ и Эросъ. Вѣдь, мудрость, одно изъ прекраснѣйшихъ благъ, есть любовь къ прекрасному; стало быть, Эросъ по необходимости есть уже философъ, а, какъ таковой, онъ занимаетъ среднее мѣсто между мудрецомъ и невѣждой, и этимъ онъ опять-таки обязанъ своему происхожденію: вѣдь, у него мудрый и богатый отецъ и бѣдная и простодушная мать. Такова, дорогой Сократъ, природа этого демона. Что же касается твоего взгляда на Эроса, тутъ нечему дивиться. Вѣдь, ты полагалъ, насколько я могла заключить объ этомъ

изъ твоихъ же словъ, что Эросъ есть существо любимое, а не любящее. Потому-то, думается мнѣ, и показался тебѣ Эросъ надѣленнымъ всевозможными достоинствами. Вѣдь, любимое должно быть дѣйствительною красотою, прелестью, совершенствомъ, высшимъ благомъ; любящее же существо можетъ быть совершенно иного характера, пожалуй, такого, какъ я сейчасъ приблизительно описала его.

XXIV. На это я сказалъ: согласимся, иностранка, что это такъ: разсужденія твои справедливы. Но разъ Эросъ таковъ, скажи мнѣ, какую пользу имѣютъ отъ него люди?—Объ этомъ-то я и намѣрена съ тобой поговорить сейчасъ. Природа и происхожденіе Эроса намъ извѣстны. Онъ, какъ ты справедливо замѣтилъ,—любовь къ прекрасному. А если бы кто-нибудь спросилъ насъ, что же такое, Сократъ и Діотима, есть любовь къ прекрасному, или—выражусь еще точнѣе—чего бы именно хотѣлъ тотъ, кто любитъ прекрасное?—Пріобщиться прекрасному, отвѣтилъ я.—Но такой отвѣтъ влечетъ за собою роковымъ образомъ сейчасъ же новый вопросъ: что же станется съ тѣмъ, кто пріобщится прекрасному?—Я сказалъ, что на этотъ вопросъ я не могу дать ей отвѣта сразу.—Но, возразила она мнѣ: если бы кто-нибудь перемѣнилъ слова и вмѣсто «прекрасное» поставилъ бы «доброе» и тогда бы спросилъ тебя: чего желаетъ тотъ, кто желаетъ добра?—Пріобщиться къ нему, отвѣчалъ я.—Какой же толкъ будетъ ему оттого, что онъ пріобщится къ добру?—На этотъ вопросъ мнѣ легче отвѣтить, сказалъ я: онъ сдѣлается счастливѣе: вѣдь, счастливые счастливы именно благодаря облада-

нію добромъ, а почему желающій быть счастливымъ желаетъ этого, объ этомъ спрашивать не приходится, а твой отвѣтъ уже исключаетъ дальнѣйшіе разспросы.— Разумѣется, отвѣчалъ я.—Но думаешь-ли ты, что эта любовь и это желаніе присущи всѣмъ людямъ, и что всѣ желаютъ постоянно обладать добромъ, или ты держишься на этотъ счетъ иного мнѣнія?—Нѣтъ, я думаю, что они присущи всѣмъ людямъ.—Почему же, Сократъ, мы не говоримъ о всѣхъ людяхъ, что они любятъ, разъ любятъ всѣ и при томъ всегда одно и то же? Почему мы объ однихъ говоримъ это, о другихъ же нѣтъ?— Меня и самого удивляетъ это, сказалъ я.—Не удивляйся, возразила она: вѣдь, выдѣляя какой-нибудь видъ любви, мы называемъ его любовью, употребляя родовое понятіе, въ другихъ же случаяхъ мы примѣняемъ иныя выраженія.—Напримѣръ? спросилъ я.—Ну, хотя бы такъ: тебѣ извѣстно что *творчество* [1]) имѣетъ много видовъ, ибо творчество есть всякая вообще причина для всего того, что изъ небытія переходитъ въ бытіе, такъ что произведенія всякихъ искусствъ суть различные виды творчества, а ихъ создатели—творцы.—Справедливо.—И все-таки, сказала она, ты знаешь, что ихъ не зовутъ поэтами, но другими именами, и что только одна часть, выдѣленная изъ всего творчества, имѣющая отношеніе къ поэзіи и музыкальной композиціи, получила названіе цѣлаго рода. Вѣдь, только одну эту часть называютъ *поэзіей* [2]), а тѣхъ, кто ею обладаетъ, *поэтами*.

---

[1]) *Ποίησις* – творчество, поэзія.

[2]) Греки называли поэзіей не только стихотворство, но и музыкальную композицію.

—Справедливо, согласился я. — Точно такъ же — и въ дѣлѣ любви. По существу, всякое желаніе добра и счастья является для всякаго человѣка наиболѣе великимъ и увлекательнымъ Эросомъ. Но о тѣхъ, кто обращается къ нему всякими иными способами, будетъ-ли это въ интересахъ обогащенія, или ради гимнастическихъ цѣлей, или въ интересахъ философіи, не принято говорить, что они любятъ, или называть ихъ любовниками; только тѣ, кто предается извѣстному виду любви, получаютъ названіе цѣлаго рода, и только къ нимъ прилагаются слова *любить, любовь, любовники*.—Повидимому, ты говоришь правду, сказалъ я.—Говорилъ кто-то [1]), возразила она, что любятъ тѣ, кто ищетъ свою половину, мое же мнѣніе таково, что любить не значитъ искать ни своей половины [2]) ни всего себя, разъ нѣтъ, друже [3]), добра ни въ этой половинѣ ни въ этомъ цѣломъ. Вѣдь, люди охотно согласятся дать отрѣзать себѣ ихъ собственныя руки и ноги, разъ онѣ покажутся имъ негодными. Вѣдь, не свое, думается мнѣ, любитъ каждый изъ насъ, если только мы не будемъ все доброе называть своею собственностью, а все дурное — чужимъ; вѣдь люди, собственно говоря, только и любятъ добро. Или ты держишься иного мнѣнія? — Клянусь Зевсомъ, сказалъ я, я вполнѣ согласенъ съ тобою.—Итакъ, сказала она, не слѣдуетъ-ли просто признать, что люди любятъ добро?—

1) Намекъ на Аристофановскую рѣчь, главы XV и XVI.

2) Опять намекъ на Аристофана, гл. XVI *τοῦ ὅλου οὖν τῇ ἐπιθυμια καὶ διωξει ἔρως ὄνομα*.

3) По формѣ это—обращеніе Діотимы къ Сократу, по смыслу же Сократа къ Аристофану.

Да, отвѣчалъ я.—Однако, возразила она, не слѣдуетъ ли еще добавить, что они любятъ также и то, чтобы добро это принадлежало имъ?—Да, отвѣчалъ я.—И притомъ, сказала она, обладать имъ не только временно, но и всегда?—И это слѣдуетъ прибавить.—Стало быть, заключила она, подводя итогъ, можно сказать, что любовь сводится въ концѣ концовъ къ желанію постоянно обладать добромъ.—Ты говоришь сущую правду, согласился я съ нею.

XXV. Но разъ любовь вообще сводится къ исканію добра, сказала она, то какимъ именно образомъ и путемъ стремятся къ нему тѣ, усердіе и заботливость которыхъ принято называть любовью? Можешь-ли ты сказать мнѣ, въ чемъ именно заключается этотъ самый актъ?—Нѣтъ, Діотима, отвѣчалъ я, иначе я, вѣдь, не дивился бы твоей мудрости и не пришелъ къ тебѣ, чтобы разспрашивать тебя о томъ же самомъ.—Въ такомъ случаѣ я скажу тебѣ: онъ заключается въ томъ, чтобы творить въ прекрасномъ и притомъ какъ физически, такъ и духовно.—Тутъ нужна пророческая сила проникновенія, чтобы уразумѣть твои слова, а мнѣ этого не понять.—Въ такомъ случаѣ, прибавила она, я постараюсь выразиться еще яснѣе: всѣ мы, Сократъ, имѣемъ стремленіе къ оплодотворенію какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, и когда мы достигаемъ извѣстнаго возраста, природа наша стремится рождать; одна она не можетъ творить. А творить она въ безобразномъ не можетъ, а только въ прекрасномъ. Соединеніе мужчины и женщины есть уже творчество, и это творчество представляетъ извѣстнаго

рода божественное дѣло, и это стремленіе къ оплодотворенію и рожденію есть проявленіе безсмертнаго начала въ смертномъ существѣ. Но они не могли бы осуществиться въ томъ, что не находится въ извѣстномъ согласіи, въ согласіи же со всѣмъ божественнымъ не можетъ быть безобразное, а уживается съ нимъ только прекрасное. Такимъ образомъ, красотою для рожденія является богиня зачатія и повиванія. Вотъ почему, существо, желающее творить, приближаясь къ прекрасному, становится веселымъ, разливается въ радости, оплодотворяетъ и производитъ. Напротивъ, приближаясь къ безобразному, оно становится сумрачнымъ и печальнымъ, уходитъ въ себя, какъ-то сжимается и свертывается въ клубокъ и не рождаетъ, но, храня въ себя свои творческія силы, испытываетъ нѣкоторую тягость. Вотъ откуда у существа, способнаго къ творчеству и полнаго желанія, замѣчается это страстное влеченіе къ прекрасному, освобождающее его отъ сильныхъ страданій. Вѣдь, не красота, Сократъ, составляетъ, какъ это тебѣ представляется, предметъ любви.—Тогда что же?—Рожденіе и плодотвореніе въ прекрасномъ.—Предположимъ.—Это внѣ всякихъ предположеній, возразила она.—Но почему же рожденіе—предметъ любви?—Потому что оно увѣковѣчиваетъ и дѣлаетъ, насколько это возможно, безсмертнымъ существо смертное. Такимъ образомъ, изъ нашихъ бесѣдъ вытекаетъ, что желаніе безсмертія должно находиться въ связи съ исканіемъ добра, разъ любовь состоитъ въ стремленіи постоянно обладать добромъ, а отсюда необходимо вытекаетъ и то, что любовь стремится также и къ безсмертію.

XXVI. Всему этому учила она меня во время нашихъ неоднократныхъ бесѣдъ о любви; а однажды она задала мнѣ такой вопросъ: Что тебѣ, Сократъ, кажется причиною этой любви и этого желанія? Не приходилось ли тебѣ замѣчать, въ какомъ странномъ состояніи находятся они, какимъ болѣзненнымъ и любовнымъ вожделѣніемъ исполнены они, во-первыхъ, передъ спариваніемъ между собою, а во-вторыхъ, когда дѣло идетъ о прокормленіи приплода,—какъ слабѣйшіе изъ нихъ готовы вступить въ борьбу изъ-за него съ сильнѣйшими и даже умереть за своихъ дѣтенышей, изводить себя голодомъ и подвергать всякаго рода лишеніямъ, лишь бы только не дать умереть своему приплоду. Въ отношеніи людей, правда, можно было бы сказать, что они поступаютъ здѣсь подъ внушеніемъ разума, но можешь ли объяснить, гдѣ искать у животныхъ основанія для этихъ расположеній, исполненныхъ любви?—На это я отозвался незнаніемъ. На это она сказала: Какъ же ты надѣешься когда-нибудь сдѣлаться свѣдущимъ въ дѣлахъ любви, разъ ты даже этого не понимаешь?—Но вѣдь, Діотима, я и явился-то къ тебѣ, какъ я уже объяснялъ, именно потому, что я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ надо поучиться у тебя. Поэтому объясни мнѣ причину какъ того, относительно чего ты меня спрашивала, такъ и всего другого, что имѣетъ отношеніе къ любви.—Хорошо. Но разъ ты уже знаешь, что любовь по самой своей природѣ направляется на то, относительно чего мы уже не разъ приходили къ соглашенію, тебѣ нечего удивляться. Вѣдь, и здѣсь [1],

[1]) Въ царствѣ животныхъ.

какъ и тамъ [1]), по тому же принципу, смертная природа стремится увѣковѣчиться и сдѣлаться безсмертной, насколько это возможно. Но она можетъ достигнуть этого только благодаря тому, что старое она замѣняетъ новымъ, молодымъ. Вѣдь, хотя и говорятъ о каждомъ изъ живыхъ существъ, что оно живетъ и остается все тѣмъ же; такъ, напримѣръ, человѣкъ съ дѣтскихъ лѣтъ и до самой старости зовется все однимъ и тѣмъ же именемъ; и тѣмъ не менѣе онъ не удерживаетъ въ себѣ однихъ и тѣхъ же данныхъ, хотя и носитъ одно и то же имя, но въ немъ всегда происходитъ обновленіе и потеря въ волосахъ, въ плоти, въ костяхъ, въ крови, — словомъ, во всемъ тѣлѣ. И не только съ физической стороны, но и съ духовной никогда не остаются у него въ одномъ и томъ же состояніи его привычки, нравы, мнѣнія, желанія, радости, печали, опасенія, но одни зарождаются вновь, а другіе умираютъ. А еще удивительнѣе этого не только то, что наши познанія частью рождаются вновь, частью пропадаютъ, и что мы сами никогда не остаемся одними и тѣми же даже въ своихъ отношеніяхъ къ познаніямъ, но и то, что каждое изъ нашихъ познаній подвергается подобнымъ же измѣненіямъ. И дѣйствительно, то, что называется размышленіемъ, совершается при томъ условіи, если знаніе въ извѣстной степени исчезаетъ: вѣдь, забвеніе есть исчезновеніе знанія, — размышленіе же, образуя въ насъ новое воспоминаніе вмѣсто исчезнувшаго, все-таки хранитъ въ насъ новое воспоминаніе вмѣсто исчезнув-

[1]) У людей.

шаго, все-таки хранитъ въ насъ и память о послѣднемъ, такъ что мы думаемъ, что наше знаніе остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, сохраняется все бренное, не благодаря тому, что оно постоянно остается совершенно неизмѣннымъ подобно божественному, а благодаря тому, что уходящее и старѣющее оставляетъ по себѣ другое новое подобнаго же рода, какимъ оно было само. Такимъ-то путемъ, Сократъ, сказала она, всякое смертное существо становится пріобщеннымъ къ безсмертію, какъ тѣло, такъ и все прочее, будучи смертнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Поэтому не удивляйся, что всякое существо по своей природѣ относится съ почтительной заботой къ своему потомству: вѣдь, эта заботливая любовь у всякаго проявляется въ интересахъ его безсмертія.

XXVII. И когда я услышалъ такую рѣчь, я преисполнился удивленія и сказалъ: Прекрасно, премудрая Діотима, но дѣйствительно-ли это такъ? А она тономъ завзятаго ученаго сказала на это: Будь убѣжденъ, Сократъ, что это такъ. Вѣдь, если бы ты захотѣлъ поразмыслить о честолюбіи людей, ты подивился бы ихъ безумію, пока не сообразилъ бы того, что я говорила, и не принялъ бы во вниманіе, насколько люди охвачены желаніемъ составить себѣ имя и пріобрѣсть безсмертную славу въ потомствѣ и что изъ-за этого желанія они готовы подвергаться всякимъ опасностямъ, даже большимъ, нежели изъ-за дѣтей, жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, переносить всевозможныя невзгоды и даже умереть за него. Неужели же ты думаешь сказала она, что Алкестида умерла бы вмѣсто Адмета

или Ахиллесъ рѣшился бы пожертвовать жизнью, чтобы отомстить за Патрокла, или Кадръ обрекъ бы себя на смерть ради того, чтобы обезпечить царство за своими дѣтьми, если бы они не надѣялись оставить послѣ себя то безсмертное воспоминаніе, которое до сихъ поръ живетъ среди насъ? Врядъ ли, добавила она, но я думаю, что ради такой славной памяти нѣтъ ничего, чего бы ни сдѣлалъ всякій, и притомъ чѣмъ доблестнѣе онъ, тѣмъ съ большимъ желаніемъ, ибо всѣ любятъ то, что безсмертно. Такимъ образомъ, тѣ, продолжала она, чей творческій геній носитъ физическій характеръ, стремятся главнымъ образомъ къ женщинамъ и бываютъ послѣдователями Эроса, такимъ способомъ надѣясь, какъ они полагаютъ, стяжать себѣ черезъ дѣторожденіе и безсмертіе, и счастье, и память навѣки. Тѣ же, которые обладаютъ духовнымъ творческимъ геніемъ... существуютъ вѣдь, и такіе, которые исполнены творческаго генія не столько физически, сколько духовно, чтобы производить то, что подобаетъ производить душѣ. Что же именно подобаетъ ей производить? Разумность и всякія другія добродѣтели, порожденіе поэтовъ и всѣхъ тѣхъ художниковъ, которые одарены геніемъ изобрѣтательности. Но самая великая и самая удивительная разумность, сказала она,—та, которая имѣетъ отношеніе къ управленію государствомъ и человѣческими общежитіями, и имя ей благоразуміе и справедливость. Кто, по душѣ будучи божественнымъ, исполненъ ими съ раннихъ лѣтъ, тотъ съ наступленіемъ извѣстныхъ лѣтъ желаетъ развивать и производить ихъ, и онъ бро-

дитъ всюду, разыскивая прекрасное, въ которомъ онъ могъ бы производить, ибо никогда онъ не могъ бы сдѣлать этого въ безобразномъ, и, въ такомъ настроенiи, онъ предпочитаетъ прекрасныя тѣла безобразнымъ, а когда ему случается въ прекрасномъ тѣлѣ встрѣтить прекрасную, благородную и богато одаренную душу, онъ особенно радуется такому соединенiю, и для такого человѣка у него сейчасъ же находится цѣлый запасъ рѣчей и о добродѣтели и о томъ, чѣмъ долженъ быть и чѣмъ долженъ заниматься порядочный человѣкъ, и тогда онъ принимается за его образованiе. Вѣдь, соприкасаясь съ прекраснымъ и бесѣдуя съ такимъ человѣкомъ, онъ производитъ и рождаетъ то, чѣмъ онъ давно беременѣлъ. И въ глаза и за глаза онъ мыслитъ все о своемъ другѣ и предметѣ своей любви, онъ воспитываетъ сообща съ нимъ плоды ихъ связи, и они имѣютъ тогда гораздо большее общенiе другъ съ другомъ, нежели то, которое возникаетъ благодаря дѣтямъ, и болѣе прочную дружбу, такъ какъ они связаны теперь болѣе прекрасными и болѣе безсмертными дѣтьми. Да и всякiй предпочелъ бы такихъ дѣтей всякому другому потомству,—пусть только онъ подумаетъ, какихъ дѣтей оставили послѣ себя Гомеръ и Гезiодъ, дѣтей, являющихся источникомъ ихъ безсмертной славы, доставляющихъ имъ вѣчную память, или же — пусть онъ вспомнитъ, какихъ дѣтей оставилъ послѣ себя въ Лакедемонѣ Ликургъ: вѣдь, эти дѣти — спасители не только Лакедемона, но, такъ сказать, всей Грецiи. Какъ создатель законовъ, достоинъ у васъ почтенiя и Солонъ, а равнымъ образомъ и многiе другiе въ разныхъ мѣ-

стахъ, проявившіе и у эллиновъ и у варваровъ много прекрасныхъ дѣлъ и цѣлый рядъ разнообразныхъ добродѣтелей. И имъ уже много было воздвигнуто храмовъ за такихъ дѣтей, а за смертныхъ дѣтей плоти не было еще воздвигнуто ни одного.

XXVIII. Настолько-то, Сократъ, ты и самъ, быть можетъ, въ состояніи проникнуть въ таинства любви, но я не могу сказать увѣренно, былъ ли бы ты способенъ дойти до ея высшихъ и совершеннѣйшихъ степеней, къ которымъ принадлежатъ и эти, даже если бы кто нибудь и руководилъ тобою надлежащимъ образомъ. Но я все-таки, продолжала она, постараюсь разъяснить тебѣ ихъ и все съ тою же неослабною ревностью къдѣлу, а ты постарайся направлять за мной все твое вниманіе, насколько это будетъ тебѣ по силамъ.

Тотъ, начала она вновь, кто желаетъ правильнымъ путемъ притти къ этой цѣли, долженъ уже съ раннихъ лѣтъ имѣть дѣло съ прекрасными тѣлами и прежде всего, если только онъ правильно руководится, любить одно существо и оплодотворять его прекрасными рѣчами; затѣмъ онъ долженъ сообразить, что красота, находящаяся въ одномъ какомъ-нибудь тѣлѣ, сродни той красотѣ, которая находится во всѣхъ другихъ тѣлахъ, и если бы ему пришлось преслѣдовать конкретную красоту, то было бы большою ошибкой не считать ее одной и той же во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Когда же онъ дойдетъ до такого пониманія, онъ долженъ полюбить всякія прекрасныя формы, а страсть къ одному человѣку сбросить, презирая ее

и считая за мелочь. И тогда уже онъ долженъ душевную красоту цѣнить гораздо выше, нежели красоту тѣлесную, и тогда тотъ, кто былъ бы одаренъ хорошей душой и даже не обладалъ бы значительными физическими достоинствами, могъ бы привлечь его любовь и заботы и вызвать его на обмѣнъ съ собою такими рѣчами, которыя облагораживаютъ молодыхъ людей. Такимъ путемъ онъ по необходимости придетъ къ созерцанію красоты, которая состоитъ въ исполненіи своихъ обязанностей и соблюденіи требованій законовъ, и тогда онъ уразумѣетъ, что прекрасное вездѣ тождественно, и тогда красота формы не будетъ для него чѣмъ-то значительнымъ. И отъ разсмотрѣнія этихъ занятій идеальный руководитель поведетъ своего воспитанника къ наукамъ, чтобы онъ узрѣлъ также и красоту познаній и, смотря на красоту во всей ея широтѣ, не былъ бы рабомъ какой-нибудь отдѣльной красоты, любя или красоту какого нибудь мальчугана, или мужа, или занятія, и, служа ему, не сдѣлался бы плохимъ и малодушнымъ, но чтобы онъ, устремляя свои взоры въ безконечную даль всего прекраснаго и созерцая ее, производилъ бы въ изобиліи прекрасныя рѣчи и мысли въ неизмѣримомъ стремленіи къ мудрости, пока, наконецъ, окрѣпши и усовершенствовавшись здѣсь, не узрѣлъ бы единой науки, которая есть наука о всеединой красотѣ. Постарайся же, прибавила она, какъ можно внимательнѣе вслушиваться въ мои слова.

XXIX. Кто въ тайнахъ любви будетъ доведенъ до сихъ поръ, созерцая въ надлежащемъ порядкѣ всѣ

степени красоты и приближаясь уже къ конечному предѣлу таинъ любви, тотъ вдругъ увидитъ нѣчто удивительно-прекрасное по своей природѣ, а именно то, Сократъ, ради чего онъ совершилъ всѣ свои прежніе труды: красоту вѣчную, не сотворенную и не погибающую красоту, которая не увеличивается, но и не оскудѣваетъ, красоту неизмѣнную во всѣхъ частяхъ, во всѣ времена, во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ мѣстахъ и для всѣхъ людей. И эта высшая красота не представится его воображенію въ конкретномъ видѣ лица, рукъ или какой-нибудь части тѣла, ни въ видѣ какой-нибудь бесѣды или знанія. И эта красота не предстанетъ, какъ нѣчто, находящееся въ чемъ-нибудь другомъ, хотя бы, напримѣръ, въ какомъ-нибудь живомъ существѣ, на землѣ или на небѣ, или въ какомъ нибудь иномъ предметѣ, но какъ нѣчто такое, что, будучи однороднымъ, существуетъ всегда независимо само по себѣ и въ себѣ самомъ. А всѣ остальныя прекрасныя вещи имѣютъ къ ней такое отношеніе, что межъ тѣмъ какъ сами онѣ и возникаютъ и гибнутъ, она рѣшительно нисколько не увеличивается и не уменьшается. И если кто-нибудь, восходя отъ видимыхъ вещей [1]), черезъ правильную любовь къ мальчикамъ, начинаетъ созерцать эту высшую красоту, онъ находится почти что у конечной цѣли. Вѣдь, истинный

[1]) Отношеніе видимыхъ вещей къ идеямъ у Платона представляется или такъ, какъ это сдѣлано здѣсь: онѣ причастны идеѣ; или: онѣ созданы по образцу идей и являются какъ бы призрачными образами; иногда идеи представляются дѣйствующими причинами отдѣльныхъ явленій.

путь къ любви, который приходится или самому пролагать себѣ, или которымъ приходится итти подъ руководствомъ кого-нибудь другого, и состоитъ въ томъ, чтобы, начиная съ этихъ прекрасныхъ вещей, постоянно возвышаться къ самой красотѣ, переходя, такъ сказать, постепенно отъ любви къ одной формѣ къ любви двухъ, и отъ любви двухъ къ любви всѣхъ прекрасныхъ формъ, и отъ прекрасныхъ формъ къ прекраснымъ занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ наукамъ и, наконецъ, достигнуть того знанія, которое уже есть не что иное, какъ знаніе красоты въ самой себѣ.

И такая-то жизнь, дорогой Сократъ, сказала иностранка изъ Мантинеи, для человѣка, созерцающаго красоту въ самой себѣ, въ особенности пріобрѣтаетъ интересъ и смыслъ. И если бы тебѣ когда-нибудь удалось узрѣть ее, она показалась бы тебѣ превыше золота, нарядовъ, прекрасныхъ мальчиковъ и юношей, при видѣ которыхъ ты, подобно многимъ другимъ, млѣешь теперь, готовъ ни ѣсть и ни пить, лишь бы только, если бы это было возможно, всегда любоваться предметами своей любви и никогда не разлучаться съ ними. Но что бы мы подумали, сказала она, если бы кто-нибудь изъ насъ могъ узрѣть само прекрасное безъ всякой посторонней примѣси, чистое, не искаженное, не оскверненное человѣческою плотью, красками и всякими иными бренными украшеніями, могъ бы созерцать божественную красоту воочію въ ея единственной формѣ? Неужели ты думаешь, сказала она, что жалка жизнь человѣка, который устремляетъ туда свои взоры,

всегда созерцаетъ эту красоту и находится съ нею въ въ единеніи? Не думаешь ли ты, напротивъ, что тамъ только, созерцая прекрасное тѣмъ органомъ[1]), какимъ его возможно созерцать, и будетъ онъ въ состояніи создавать не призрачныя, а истинныя добродѣтели, соприкасаясь не съ призраками, а съ дѣйствительностью? Творя и совершенствуя истинную добродѣтель, онъ дѣлается угоднымъ Божеству, и если кому-нибудь, то именно ему предстоитъ безсмертіе.—Таковы, дорогой Федръ и друзья мои, были рѣчи Діотимы. Слова ея убѣдили меня; я, въ свою очередь, пытаюсь убѣдить другихъ, что ради стяжанія безсмертія врядъ ли можно было бы найти помощника для человѣческой природы лучше Эроса. Вотъ почему я совѣтую всѣмъ чтить Эроса. Я и самъ чту его и преимущественно вращаюсь въ интересахъ эротическаго и другихъ приглашаю къ тому же. И я буду теперь и вовѣки славить, насколько буду въ состояніи, могущество и силу Эроса. А теперь, Федръ, зачти эту рѣчь за похвальное слово въ честь Эроса, а не то, — назови ее, какъ тебѣ вздумается.

XXX. Когда Сократъ кончилъ говорить, всѣ выразили ему свое одобреніе, а Аристофанъ хотѣлъ было солгать нѣсколько возраженій, такъ какъ Сократъ въ своей рѣчи сдѣлалъ какой то намекъ [2]) на его рѣчь, но вдругъ раздался стукъ въ сѣнную дверь какъ будто отъ ударовъ ночныхъ гулякъ, и вслѣдъ за нимъ послышалась игра на флейтѣ. И Агатонъ сказалъ своимъ рабамъ: посмотрите, кто тамъ, — если это кто-ни-

---

[1]) Т.-е. духовнымъ окомъ. [2]) См. гл. XXIV.

будь изъ своихъ, просите; если же нѣтъ, скажите, что мы уже окончили попойку и легли отдыхать.—Минуту спустя [1]) изъ сѣней послышался голосъ Алкивіада. Онъ былъ сильно пьянъ и кричалъ: „Тутъ Агатонъ? Ведите меня къ Агатону!“ Тогда флейтщица и нѣкоторые изъ спутниковъ подхватили его подъ руки и ввели къ намъ, и онъ сталъ въ дверяхъ въ густомъ вѣнкѣ изъ фіалокъ и плюща и съ массой лентъ на головѣ. „Друзья мои, кричалъ онъ, привѣтъ вамъ. Я уже сильно пьянъ, но я выпилъ бы и съ вами, если бы вы позволили. Если же нѣтъ, мы уйдемъ, увѣнчавъ сначала Агатона: вѣдь, мы за этимъ только и пришли. Вчера я не могъ притти, сегодня же я прихожу съ повязками вокругъ своей головы, чтобы увѣнчать ими голову человѣка, можно сказать, самаго мудраго и самаго прекраснаго. Вы смѣетесь надо мной, что я пьянъ? Смѣйтесь, а я все-таки знаю, что я говорю правду. Но отвѣчайте мнѣ прямо: долженъ ли я войти при такихъ условіяхъ? Будете ли вы пить со мною или нѣтъ?“ Всѣ громкимъ шумомъ выразили ему свое согласіе, приглашая его войти и занять мѣсто возлѣ нихъ, и самъ Агатонъ сталъ звать его. И онъ вошелъ тогда, поддерживаемый подъ руки людьми. Затѣмъ онъ сталъ снимать съ себя повязки, чтобы увѣнчать ими Агатона, и хотя Сократъ находился прямо передъ нимъ, Алкивіадъ не замѣтилъ его и сѣлъ между Сократомъ и Агатономъ, такъ какъ Сократъ по-

---

[1]) Рабы поступили согласно приказанію Агатона: Алкивіадъ принадлежалъ къ „своимъ“.

тѣснился немного въ сторону, чтобы дать ему мѣсто [1]). Усѣвшись, Алкивіадъ сталъ обнимать Агатона и украшать его лентами. Агатонъ же сказалъ: Люди, отвяжите Алкивіаду сандаліи, чтобы мы могли возлежать всѣ трое.

—Пожалуйста, сказалъ Алкивіадъ, —но кто же пьетъ здѣсь съ нами третьимъ?—И въ то же время, обернувшись назадъ, онъ замѣтилъ Сократа, и при видѣ его вскочилъ съ мѣста и сказалъ: О Геркулесъ, что же это такое, и ты возлежишь здѣсь, Сократъ, опять въ засадѣ [2]) противъ меня, внезапно появляясь по обыкновенію тамъ, гдѣ я менѣе всего ожидалъ бы тебя видѣть. И сегодня зачѣмъ ты здѣсь? И почему ты расположился именно на этомъ мѣстѣ? Почему ты не распожился возлѣ Аристофана или возлѣ какого-нибудь другого весельчака или желающаго быть имъ, но выбралъ себѣ мѣсто какъ разъ возлѣ самаго красиваго изъ всей компаніи? Тогда Сократъ сказалъ: Помоги мнѣ, Агатонъ, а то моя любовь къ этому человѣку становится мнѣ не подъ силу. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ его, не смѣю ни взглянуть ни на одного красавца, ни поговорить съ нимъ. Изъ ревности и зависти онъ начинаетъ творить Богъ знаетъ что, бранится и, того и гляди, поколотитъ меня. Поэтому смотри, какъ бы

---

[1]) Повязка закрывала лицо Алкивіада, и онъ не замѣтилъ Сократа. Иначе онъ не былъ бы такъ невѣжливъ, чтобы усѣсться на одно ложе (**Κλίνη**), которое было удобно только для двоихъ. Сократъ расположился возлѣ Агатона на **ἐσχατη Κλίνη** (крайнемъ ложѣ) См. гл. III. Теперь ему пришлось подвинуться къ Аристофану.

[2]) Ревность съ обѣихъ сторонъ разыгрывается въ шутку. См. конецъ гл. XXXII и далѣе.

онъ и сейчасъ не надѣлалъ какой бѣды, но примири насъ или, если онъ вздумаетъ наброситься на меня, защити меня: я сильно боюсь и его любви и его ревнивыхъ выходокъ.—Между мной и тобой примиренье невозможно,—возразилъ Алкивіадъ,—но за это я раздѣлаюсь съ тобой въ другой разъ, а теперь, Агатонъ, дай мнѣ нѣсколько твоихъ лентъ, я хочу увѣнчать маститую голову этого человѣка, чтобы онъ не дѣлалъ мнѣ упрековъ за то, что я не почтилъ его вѣнкомъ, несмотря на то, что онъ своими рѣчами одерживалъ побѣды надъ всѣми и не только вчера, какъ это сдѣлалъ ты, но всегда.

Съ этими словами Алкивіадъ взялъ нѣсколько лентъ, увѣнчалъ ими Сократа и возлегъ на ложе.

XXXI. Занявъ мѣсто, онъ сказалъ: Ну-ну, друзья мои, да, кажись, вы совсѣмъ трезвы. Этого не полагается, вы должны пить, таковъ уставъ. А пока вы не напьетесь, я предлагаю себя въ цари попойки. Но пусть Агатонъ распорядится, чтобы намъ дали большой кубокъ, или нѣтъ, не надо; принеси-ка ты, молодецъ, лучше холодильную чашу [1]), сказалъ онъ, замѣтивъ на глазъ, что въ ней вмѣщается добрыхъ восемь котиловъ [2]). Велѣвъ наполнить чашу, Алкивіадъ первый осушилъ ее. Затѣмъ онъ приказалъ налить ее для Сократа и сказалъ: На Сократа, друзья, моя хитрость не дѣйствуетъ: ему сколько ни предложи, онъ все выпьетъ и не будетъ пьянъ.—Рабъ наполнилъ чашу, и Сократъ

---

[1]) Чаша, въ которой холодилось вино.

[2]) 8 котиловъ=около двухъ литровъ. Порція солидная и для привычныхъ пьяницъ. Котилъ=0,274 литра.

выпилъ ее. Тогда Эриксимахъ [1]) замѣтилъ: Что же это творится у насъ, Алкивіадъ? Вѣдь, развѣ у насъ не будетъ ни разговоровъ ни пѣсенъ за чашей, и мы будемъ пить просто, какъ воду?—А, Эриксимахъ! Я и не замѣтилъ тебя. Привѣтъ тебѣ, достойный сынъ лучшаго и благоразумнѣйшаго отца!—И тебѣ мой привѣтъ, сказалъ Эриксимахъ, но что же мы будемъ дѣлать?—То, что ты прикажешь. Тебя надо слушаться, вѣдь, „опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ" [2]), поэтому приказывай, что тебѣ будетъ угодно.—Такъ слушай же, отвѣчалъ Эриксимахъ, до твоего прихода мы порѣшили, чтобы каждый изъ насъ, начиная справа, по очереди держалъ рѣчь въ честь Эроса и воздалъ ему возможно лучшую хвалу. Всѣ уже мы исполнили свой долгъ. Было бы справедливо, чтобы и ты сказалъ свою рѣчь: ты тоже пилъ, но не говорилъ еще. Сказавъ же свою рѣчь, задавай тему Сократу, какую ты пожелаешь, а онъ уже, въ свою очередь, задастъ сосѣду и такъ далѣе.—Все это вполнѣ справедливо, отвѣчалъ Алкивіадъ, но какъ можно требовать, чтобы человѣкъ пьяный соперничалъ въ краснорѣчіи съ людьми трезвыми: тутъ, вѣдь, стороны были бы неравны. А, кромѣ того, милѣйшій мой, вѣришь ли ты во что-нибудь изъ того, что сейчасъ говорилъ обо мнѣ Сократъ, и не кажется ли тебѣ, что его слова надо принять какъ разъ въ обратномъ смыслѣ [3]). Вѣдь, попробуй я въ его присутствіи хвалить кого бы то ни

---

[1]) Врачъ.

[2]) Иліада XI, 514 (пер. Гнѣдича).

[3]) Т.-е. отнести на его счетъ.

было кромѣ его, будь это богъ или человѣкъ, онъ непремѣнно поколотилъ бы меня.—Нельзя ли выражаться повѣжливѣе? сказалъ Сократъ.—Клянусь Посейдономъ, возразилъ Алкивіадъ, увѣряю тебя, Сократъ, въ твоемъ присутствіи кромѣ тебя я не буду хвалить никого.—Такъ и поступи, сказалъ Эриксимахъ, воздай хвалу Сократу.—Что ты хочешь этимъ сказать, возразилъ Алкивіадъ,—не кажется ли тебѣ, Эриксимахъ, что я долженъ напасть на этого человѣка и привлечь его къ отвѣтственности передъ всѣми вами.—Послушай, сказалъ Сократъ, что это ты задумалъ? Ужъ не желаешь-ли ты своими похвалами представить меня съ смѣшной стороны? Объяснись.—Я буду говорить только правду. Соглашаешься на это?—Конечно, отвѣчалъ Сократъ, не только соглашаюсь, но и прошу говорить только одну истину.—Сейчасъ я начну, сказалъ Алкивіадъ, ты же, если я скажу что-нибудь не такъ, перебей меня, если тебѣ угодно, среди рѣчи, и скажи, что я говорю неправду; намѣренно лгать я не стану. Если же я буду говорить непослѣдовательно, а какъ мнѣ придетъ въ голову, ты не удивляйся этому: вѣдь, нелегко для человѣка въ такомъ состояніи исчислить сразу и по порядку всѣ твои странности.

XXXII. Сократа, друзья мои, я буду восхвалять путемъ сравненій. Быть-можетъ, онъ подумаетъ, что я буду дѣлать сравненія ради того, чтобы посмѣяться надъ нимъ, но смѣю васъ увѣрить, сравненія необходимы въ цѣляхъ истины. Прежде всего я утверждаю, что онъ чрезвычайно похожъ на тѣхъ силеновъ [1],

[1]) Родъ шкафовъ въ видѣ силеновъ; сюда обыкновенно ставились разныя драгоцѣнности. Существенный пунктъ сравненія Сократа съ

которые встрѣчаются въ мастерскихъ художниковъ и которыхъ они изображаютъ обыкновенно съ флейтами или свирѣлями въ рукахъ; но раскройте ихъ и вы найдете внутри изображенія божествъ. Далѣе я утверждаю, что Сократъ въ особенности похожъ на сатира Марсія [1]). Что ты похожъ на него, по крайней мѣрѣ, съ виду, этого ты и самъ, Сократъ, не станешь отрицать; что же касается твоего сходства съ нимъ въ другихъ отношеніяхъ, объ этомъ я тебѣ скажу сейчасъ кое-что. Развѣ ты не любишь посмѣяться надъ другими? Развѣ это неправда? Если ты станешь отрицать, я приведу тебѣ свидѣтелей. Развѣ ты не игрокъ на флейтѣ, да притомъ еще болѣе удивительный, нежели самъ Марсій? Вѣдь, онъ очаровывалъ людей звуками, которые вызывалъ силою своихъ устъ изъ инструментовъ; то же самое продѣлываетъ, конечно, и всякій другой, наигрывающій на флейтѣ его мелодіи, ибо то, что наигрывалъ Олимпъ [2]), я приписываю его учителю Марсію. Вотъ почему его мелодіи, исполняетъ-ли ихъ искусный артистъ или заурядная флейтщица, преимущественно передъ всѣми другими способны въ силу своей божественности и увлечь насъ и обнаружить тѣхъ, кто дѣйствительно нуждается и въ божествахъ и ихъ благодати. Ты же отличаешься отъ Марсія лишь тѣмъ, что

безобразнымъ силеномъ—противоположность между безобразною внѣшностью и внутреннею красотою.

[1]) Въ греч. миѳологіи фригійскій силенъ, представитель фригійской игры на флейтѣ. *Сатиръ* и *силенъ* во время Платона почти не различались. См. рельефъ въ слов. Мейера „Марсій").

[2]) Любимецъ и ученикъ Марсія на флейтѣ.

можешь достигнуть тѣхъ же результатовъ однѣми своими рѣчами, безъ всякихъ инструментовъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда мы слушаемъ какого-нибудь другого оратора, хотя бы даже и весьма искуснаго, мы, говоря откровенно, нисколько не трогаемся его рѣчами; напротивъ, когда кто-нибудь изъ насъ слушаетъ тебя или даже другого, передающаго твои рѣчи, хотя бы онъ и плохо говорилъ, — безразлично, будетъ ли это женщина, мужчина или юноша, всѣ мы поражаемся ими и приходимъ отъ нихъ въ восторгъ. Я, по крайней мѣрѣ, господа, если бы только не боялся показаться вамъ окончательно пьянымъ, подтвердилъ бы вамъ даже клятвой то поразительное дѣйствіе, которое эти рѣчи всегда производили и производятъ еще до сихъ поръ на меня. Когда я его слышу, сердце мое бьется еще сильнѣе, нежели у неистовствующихъ корибантовъ [1]), и изъ глазъ моихъ тогда невольно льются слезы, и я видѣлъ не разъ, что то же самое дѣлалось и со многими другими, кромѣ меня. Слушая Перикла [2]) и другихъ искусныхъ ораторовъ, я находилъ ихъ краснорѣчивыми, но ничего подобнаго отъ нихъ мнѣ не приходилось испытывать: душа моя тогда не волновалась и не возмущалась моимъ рабски-презрѣннымъ существованіемъ, а слушая этого Марсія, я приходилъ въ такое настроеніе, что я думалъ,—жить не стоитъ, разъ я

---

[1]) Корибанты—жрецы фригійской богини Кибелы. Ихъ служба богинѣ отличалась неистовымъ одушевленіемъ, сопровождавшимся шумной музыкой и военными плясками.

[2]) Платонъ не симпатизируетъ рѣчамъ Олимпійца-оратора отчасти за его политическіе взгляды.

останусь все тѣмъ же, какимъ былъ до сихъ поръ. И ты, Сократъ, не станешь отрицать этого. Да я и сейчасъ чувствую, что стоитъ мнѣ прислушаться къ его рѣчамъ, и у меня опять пойдетъ разладъ съ самимъ собой, и опять я буду переживать то же самое. Вѣдь, я невольно тогда долженъ соглашаться съ нимъ, что самъ я, нуждаясь во многомъ, пренебрегаю своими собственными интересами ради того, чтобы заниматься дѣлами аѳинскими, и я бываю вынужденъ тогда бѣжать отъ него, затыкая себѣ уши, словно отъ сиренъ, иначе, вѣдь, мнѣ такъ и пришлось бы состариться, сидя возлѣ него. И въ отношеніи къ нему одному испыталъ я то, чего, конечно, никто бы не заподозрилъ во мнѣ,—чувство стыда: я краснѣю только передъ нимъ, ибо я отлично сознаю свое безсиліе возразить ему что-нибудь или отказаться сдѣлать то, что онъ посовѣтуетъ. И однако, когда я ухожу отъ него, я опять не чувствую въ себѣ силы отказаться отъ погони за народной популярностью. Поэтому я избѣгаю его, а, когда вижу, мнѣ дѣлается больно, что мое поведеніе идетъ вразрѣзъ съ моими словами, порой даже у меня мелькаетъ желаніе, чтобы этого человѣка не было въ живыхъ, а, съ другой стороны, умри онъ, я знаю, я былъ бы еще несчастнѣе, такъ что я положительно теряю голову и не знаю, какъ мнѣ относиться къ этому человѣку.

XXXIII. Такое впечатлѣніе производитъ на меня да и на многихъ другихъ флейта этого сатира. Обратите же вниманіе, насколько справедливо мое сравненіе и какою дивною силою обладаетъ онъ. Увѣряю васъ, никто изъ васъ не знаетъ его, какъ слѣдуетъ, но разъ

я уже завелъ о немъ рѣчь, я постараюсь показать вамъ его, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Вамъ извѣстно, что Сократъ всегда льнетъ къ красивымъ, всегда возлѣ нихъ и всегда интересуется ими (и при этомъ онъ представляется всегда наивнымъ, ничего не знающимъ)—таковъ, по крайней мѣрѣ, онъ по виду, и развѣ въ этомъ случаѣ онъ не похожъ на силена? Весьма и весьма. Такой покровъ накидываетъ онъ на себя снаружи подобно изваянному силену. Но стоитъ вамъ, дорогіе друзья, открыть его и заглянуть ему внутрь,—сколько благоразумія найдете въ немъ! Онъ, вѣдь, нисколько не интересуется красотою людской, но онъ презираетъ ее такъ, какъ и въ голову никому не придетъ; для него безразлично также, богатъ ли кто, или обладаетъ какими-нибудь иными достоинствами, передъ которыми преклоняется толпа. Сократъ ни во что ставитъ и всѣ эти сокровища и самихъ насъ [1]), замѣтьте себѣ это,—и проводитъ жизнь среди людей, иронизируя и подшучивая надъ ними. Но я не знаю, приходилось ли кому-нибудь изъ васъ видѣть, какія дивныя сокровища скрываетъ онъ въ себѣ, когда онъ въ серьезныя минуты открывалъ свою душу; мнѣ, по крайней мѣрѣ, привелось ихъ видѣть, и я нашелъ ихъ столь божественными, драгоцѣнными, прекрасными и удивительными, что готовъ былъ сейчасъ же исполнить все, что ни приказалъ бы мнѣ Сократъ.

Полагая, что онъ имѣетъ серьезные виды на мою

---

[1]) Преклоняющихся предъ ними, каковы Агатонъ, самъ Алкивіадъ, Харимедъ, Эвтидемъ.

красоту, я обрадовался этому обстоятельству, какъ рѣдкой находкѣ и счастливому случаю: теперь, вѣдь, въ моей власти было, коли я только понравлюсь Сократу, слышать все, что онъ зналъ. Я и дѣйствительно былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своей красотѣ. Размышляя такимъ образомъ, я сначала, по привычкѣ имѣть возлѣ себя провожатаго, бывалъ съ нимъ не одинъ, потомъ же сталъ отсылать провожатаго и оставался съ нимъ съ глазу-на-глазъ. Говорю вамъ все это по чистой правдѣ и поэтому прошу вашего вниманія, а ты, Сократъ, въ случаѣ, если я скажу что-нибудь не такъ, поправь меня. Такимъ-то образомъ, друзья мои, я очутился съ Сократомъ съ глазу-на-глазъ, и я поджидалъ съ минуты на минуту, что вотъ-вотъ онъ поведетъ со мною тѣ обычныя рѣчи, которыя ведутъ между собою влюбленные, и я предвкушалъ блаженство. Но рѣшительно ничего подобнаго не случилось. Проведя со мною день въ обыкновенной бесѣдѣ, онъ подъ вечеръ ушелъ домой. Затѣмъ я пригласилъ его заниматься вмѣстѣ со мною гимнастикой, и я упражнялся вмѣстѣ съ нимъ, надѣясь тутъ достигнуть своего. Мы неоднократно занимались вмѣстѣ съ нимъ гимнастическими упражненіями, и онъ часто боролся со мною опять-таки безъ всякихъ свидѣтелей. И что же? Ничто не помогло. Не будучи въ состояніи достигнуть такимъ путемъ какихъ бы то ни было результатовъ, я рѣшился пойти на проломъ и, разъ начавъ, не выпускать добычи изъ своихъ рукъ и добиться-таки своего. И вотъ я пригласилъ его на ужинъ, какъ это обыкновенно продѣлываютъ любов-

ники со своими возлюбленными. И на эту удочку пошелъ онъ не сразу, а лишь постепенно. Въ первый разъ онъ хотѣлъ уйти сейчасъ же послѣ ужина, и тогда я отпустилъ его, такъ какъ самъ испытывалъ нѣкоторое чувство стыда. Когда же я разставилъ ему сѣти во второй разъ, я затянулъ нашу бесѣду далеко за полночь, и когда онъ собирался домой, я, ссылаясь на черезчуръ позднее время, убѣдилъ его остаться ночевать у меня. Онъ расположился на томъ ложѣ, которое стояло возлѣ моего и на которомъ онъ возлежалъ раньше за ужиномъ, и кромѣ насъ двоихъ въ комнатѣ не спало никого другого. Все переданное до сихъ поръ можно было бы разсказывать въ присутствiи всѣхъ и каждаго, а дальнѣйшее вы стали бы слушать, если бы, по поговоркѣ, заговорило во мнѣ правдивое вино. Впрочемъ, разъ я задался цѣлью восхвалить Сократа, я поступилъ бы также несправедливо, умолчавъ о его незаурядномъ поступкѣ. Вдобавокъ, я какъ бы нахожусь въ состоянiи человѣка, укушеннаго змѣей. Вѣдь, говорятъ, что человѣкъ, съ которымъ случается подобная бѣда, не любитъ разсказывать о своемъ горѣ никому, кто самъ не испыталъ его, такъ какъ только испытавшiй умѣетъ вполнѣ и понять и простить все то, на что способны люди въ подобныхъ случаяхъ. А я, съ одной стороны, будучи укушенъ чѣмъ-то еще болѣе ядовитымъ и притомъ въ самую чувствительную часть, въ какую только можно укусить человѣка,—вѣдь, я раненъ и укушенъ въ сердце, въ душу или назовите это, какъ вамъ будетъ угодно, укушенъ философскими рѣчами, жало которыхъ проникаетъ гораздо глубже змѣинаго,

разъ только онѣ проникаютъ въ не совсѣмъ бездарную душу молодого человѣка и заставляютъ его говорить и дѣлать все, что ни попало,—и видя, съ другой стороны, передъ собой Федра, Агатона, Эриксимаха, Павзанія, Аристодема и Аристофана, не говоря уже о Сократѣ и всѣхъ остальныхъ, зараженныхъ этой философской маніей и недугомъ, я не поколеблюсь высказаться передъ вами вполнѣ, ибо вы снисходительно отнесетесь и къ тому, что дѣлалось тогда, и къ тому, что услышите сейчасъ. Рабамъ же вашимъ и всѣмъ другимъ, непосвященнымъ и необразованнымъ, закройте уши крѣпко-на-крѣпко.

XXXIV. Итакъ, друзья мои, когда огни были потушены и прислуга удалилась къ себѣ, я рѣшилъ, что нечего болѣе кривить съ нимъ душой, но пойти напрямикъ и свободно высказать ему свои мысли. Толкнувши его слегка, я сказалъ: Ты спишь, Сократъ? —Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ.—Знаешь, что мнѣ думается? —Что же именно?—Думается мнѣ, что ты единственный достойный меня любовникъ и, повидимому, ты только не рѣшаешься признаться мнѣ въ своей любви. Лично я на этотъ счетъ полагаю такъ: я считаю положительно безуміемъ отказать тебѣ въ удовольствіи и въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ. Моя самая завѣтная цѣль—достигнуть возможнѣйшаго совершенства, а въ этомъ отношеніи, думается мнѣ, никто не могъ бы мнѣ быть такъ полезенъ, какъ ты. И отказывая въ чемъ бы то ни было такому человѣку, какъ ты, я боялся бы вызвать порицаніе скорѣе со стороны разумныхъ, нежели, исполняя всякую твою прихоть, со стороны

глупцовъ. На это Сократъ отвѣчалъ со своей обычной ироніей: Милѣйшій Алкивіадъ, должно-быть, ты и вправду не такъ недалекъ, если только ты искренно говоришь относительно меня; и если я дѣйствительно обладаю такой силой, которая могла бы перевоспитать тебя къ лучшему, тогда ты дѣйствительно замѣтилъ во мнѣ чрезвычайную красоту, которая значительно превосходнѣе твоего благообразія. Поэтому разъ ты, усматривая ее, желаешь войти со мной въ общеніе и промѣнять красоту на красоту, ты прекрасно соблюдаешь свои интересы, хочешь вмѣсто мнимой красоты пріобрѣсть себѣ дѣйствительную и замышляешь промѣнять мѣдь на настоящее золото [1]). Но, милѣйшій мой, смотри въ оба, чтобы отъ тебя не утаилось мое ничтожество. Духовныя очи прозрѣваютъ тогда, когда уже начинаетъ пропадать острота зрѣнія очей физическихъ, а тебѣ еще далеко до этого. — На это я сказалъ: Таково, по крайней мѣрѣ, мое предложеніе и я сказалъ только то, что я думаю. Твое же дѣло принять то или иное рѣшеніе, какое покажется тебѣ наиболѣе выгоднымъ и для тебя и для меня. — Прекрасно, отвѣчалъ онъ, и впредь мы будемъ предварительно обдумывать, а потомъ уже дѣлать то, что намъ покажется наиболѣе цѣлесообразнымъ для насъ обоихъ и въ этомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. — Обмѣнявъ-

---

[1]) Извѣстный разсказъ о мѣнѣ Главка и Діомеда. Разумъ въ то время похитилъ Зевесъ-Олимпіецъ у Главка, ибо оружіемъ своимъ помѣнялся онъ съ сыномъ Тидея. Далъ золотое и мѣдное взялъ, сто быковъ далъ за девять.

(Иліада VI, 234, перев. Минскаго).

шись съ нимъ такими рѣчами, я полагалъ, что пущенныя мною стрѣлы ранили его; и поэтому я всталъ съ своего ложа и, не давая ему болѣе говорить ни слова, одѣлъ его вотъ этимъ самымъ плащомъ (дѣло было зимою) и улегся подъ его плащомъ, обнявъ своими руками этого божественнаго и по истинѣ въ высшей степени удивительнаго человѣка и такъ пролежалъ съ нимъ цѣлую ночь. И въ этомъ случаѣ, Сократъ, ты не станешь говорить, что я лгу. И хотя я все это сдѣлалъ, онъ стоялъ неизмѣримо выше меня. Съ какимъ презрѣніемъ и съ какою насмѣшкой отнесся къ моей красотѣ, господа судьи, — да, прошу васъ, судите высокомѣріе Сократа! И клянусь вамъ всѣми святыми, я всталъ отъ него такимъ же, какимъ я могъ бы выйти изъ постели своего отца или своего старшаго брата [1]).

XXXV. Вы понимаете, что творилось у меня послѣ этого на душѣ: я почиталъ себя обиженнымъ и въ то же время я дивился его характеру, его выдержкѣ, силѣ его души, встрѣтившись съ человѣкомъ громадной мудрости и выдержки, какого я никогда не надѣялся встрѣтить, такъ что, съ одной стороны, я не въ силахъ былъ разсердиться на него и порвать съ нимъ окончательно, а съ другой стороны, я совсѣмъ уже не зналъ теперь и того, какъ привязать его къ себѣ. Я отлично зналъ, что золотомъ во всякомъ случаѣ

---

[1]) Послѣ этой картины положительно удивляешься до сихъ поръ еще очень нерѣдко встрѣчающемуся въ литературѣ отождествленію платонической любви съ педерастіею. Смотр. примѣч. къ Шлейермахеровскому переводу въ изд. Univ. Bibl. Реклама.

еще менѣе можно ранить его, нежели Аякса [1]) желѣзомъ, а то единственное средство [2]), которымъ я разсчитывалъ взять его, оказалось недѣйствительнымъ. И я блуждалъ безпомощный, всецѣло порабощенный его властью, какъ это не приходилось испытывать еще ни одному человѣку. Все это случилось раньше, нежели мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Потидейскій походъ [3]) и были тамъ сотрапезниками [4]). И здѣ онъ превосходилъ не только меня, но и рѣшительно всѣхъ остальныхъ въ перенесеніи тягостей похода. Всякій разъ, какъ мы, будучи отрѣзанными, должны были голодать, какъ это нерѣдко случается въ походахъ, никто не могъ сравняться съ нимъ въ выносливости. Равнымъ образомъ и во время пирушекъ онъ одинъ умѣлъ наслаждаться какъ во всемъ остальномъ такъ и въ питьѣ, и всякій разъ, когда ему приходилось пить — даже противъ воли,— онъ былъ впереди всѣхъ, и — что убѣдительнѣе всего — никто никогда не видѣлъ Сократа пьянымъ, что, повидимому, онъ докажетъ вамъ и теперь. Въ отношеніи же перенесенія зимнихъ холодовъ — а въ той мѣстности зимы суровыя — онъ про-

---

[1]) Теламонидъ Аяксъ, по преданію, пріобрѣлъ неуязвимость благодаря тому, что Геркулесъ однажды на время своей молитвы набросилъ на него свою львиную шкуру. См. Пиндаръ, Истм. V, 145.

[2]) Физическая красота.

[3]) Потидея—кориноская колонія на перешейкѣ полуострова Паллены въ Македоніи, сильная крѣпость. Походъ, въ которомъ участвовали Сократъ и Алкивіадъ, былъ въ 432 г. Первому было тогда 39 лѣтъ, а послѣднему 20. Кромѣ этого похода Сократъ участвовалъ еще въ битвахъ при Деліи (424) и Амфиполисѣ (422).

[4]) Имѣли общій столъ, были, какъ говорятъ у насъ, *однокашниками*.

являлъ положительно чудеса всегда и вообще, а въ особенности показалъ онъ себя съ этой стороны однажды, когда морозъ особенно сильно свирѣпствовалъ и когда другіе или вовсе не выходили изъ дому, или если кто и выходилъ, такъ только закутавшись въ нѣсколько одѣяній, въ шубѣ и валеныхъ,—онъ разгуливалъ въ это время въ своемъ обычномъ плащѣ, босикомъ, по льду и ходилъ при этомъ съ большимъ спокойствіемъ, нежели другіе обутые. И солдаты покашивались на него, полагая, что онъ желаетъ порисоваться передъ ними.

XXXVI. Такъ вотъ оно каково. А что онъ „дерзко рѣшительный мужъ наконецъ предпріялъ и исполнилъ" [1]) тамъ на походѣ,— стоитъ послушать. Однажды утромъ, пораздумавшись надъ чѣмъ - то, онъ остановился на одномъ мѣстѣ, а такъ какъ у него дѣло не подвигалось впередъ, онъ не покидалъ своего мѣста, а продолжалъ стоять, погруженный въ свои размышленія. Наступилъ уже полдень, и люди обратили на него вниманіе и съ удивленіемъ разсказывали одинъ другому, что Сократъ стоитъ тамъ уже съ ранняго утра, надъ чѣмъ-то размышляя. Наконецъ, подъ вечеръ нѣкоторые изъ іонійскихъ солдатъ послѣ ужина вынесли свои походныя кровати туда, гдѣ онъ находился, чтобы поспать ночь на холодкѣ (время тогда было лѣтнее), а въ то же время и за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, будетъ ли онъ проводить и ночь все въ томъ же положеніи. Онъ же продолжалъ стоять до разсвѣта, до появленія солнца,

---

[1]) Одиссея IV 242, пер. В. Жуковскаго.

а потомъ, помолившись солнцу, ушелъ и скрылся съ глазъ. Не хотите ли знать, каковъ онъ былъ въ битвахъ? Вѣдь, и здѣсь нельзя не воздать ему должнаго. Вѣдь, въ той битвѣ, за которую вожди представили меня къ наградѣ, спасъ меня опять-таки не кто иной, какъ онъ: онъ не хотѣлъ оставить меня раненаго и спасъ и меня самого и мое оружіе. И я тогда еще, Сократъ, высказывалъ желаніе, чтобы вожди тебѣ дали награду— и за это ты не станешь порицать меня, равно какъ и не станешь говорить, что и это неправда. Но такъ какъ вожди все-таки отнеслись пристрастно къ моему высокому положенію [1]) и хотѣли меня именно наградить, ты больше самихъ вождей хлопоталъ о томъ, чтобы награду получилъ я, а не ты. Стоило бы, друзья, посмотрѣть на Сократа и въ то время, когда войско спасалось бѣгствомъ изъ-подъ Делія [2]). Я тогда ѣхалъ верхомъ, онъ же шелъ пѣшкомъ. Послѣ того какъ войско было уже разсѣяно, сталъ отступать и онъ вмѣстѣ съ Лахетомъ. Я случайно нагоняю ихъ и, приблизившись къ нимъ, ободряю ихъ и обѣщаю имъ не покидать ихъ въ трудную минуту. И здѣсь я могъ наблюдать Сократа еще лучше, нежели при Потидеѣ: самъ я мало опасался за себя, такъ какъ я былъ на конѣ. И я могъ отлично наблюдать, насколько онъ превосходилъ Лахета присутствіемъ духа. Затѣмъ мнѣ показалось, что онъ здѣсь, какъ и въ Аѳинахъ, выражаясь, Аристофанъ, твоими словами, шествовалъ „величаво,

---

[1]) Т.-е. положенію всадника.

[2]) Въ Беотіи (424).

бросая исподлобья вызывающіе взгляды“ [1]), спокойно посматривая и на друзей и на враговъ, и каждому уже издали было ясно, что, затронь кто-нибудь этого человѣка, хорошій отпоръ встрѣтилъ бы онъ. Поэтому-то они оба и пришли благополучно домой. Вѣдь, на людей, настроенныхъ такимъ образомъ, почти никогда не нападаютъ, а преслѣдуютъ лишь тѣхъ, кто бѣжитъ безъ оглядки. Можно было бы привести еще цѣлый рядъ другихъ примѣровъ въ похвалу Сократу. Но ихъ можно найти, пожалуй, въ жизни каждаго человѣка. Но самое удивительное въ немъ — то, что онъ не похожъ ни на одного человѣка ни изъ древнихъ ни изъ современныхъ. Вѣдь, каковъ былъ Ахиллесъ, такимъ можно представить себѣ Бразида [2]) и другихъ; и опять таки какимъ былъ Периклъ, такимъ можно представить себѣ и Нестора и Антенора [3]), найдутся и другіе еще, которыхъ можно изобразить подобными же чертами.

Но насколько своеобразенъ этотъ человѣкъ, и самъ онъ и его рѣчи, въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ нимъ, никому не удалось бы при всемъ его стараніи найти хоть бы только приблизительный примѣръ ни среди новыхъ ни среди древнихъ, если бы только онъ не сравнилъ его съ тѣмъ, чему уподобилъ его я, а

---

[1]) Облака, V, 361.

[2]) Извѣстный спартанскій полководецъ, особенно прославился Бразидъ при занятіи Амфиполиса (424 до Р. Х.).

[3]) Несторъ и Антеноръ сравниваются съ Перикломъ въ отношеніи краснорѣчія.

именно, не съ людьми, а съ силенами и сатирами, и его самого и его рѣчи [1]).

XXXVII. Въ началѣ я забылъ обратить ваше вниманіе на то, что и рѣчи его весьма похожи на открывающихся силеновъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы кто нибудь захотѣлъ прислушаться къ разговорамъ Сократа, они показались бы ему сначала крайне смѣшными; слова и обороты, въ которые облечены они снаружи, походятъ на шкуру безстыднаго сатира. Онъ говоритъ о вьючныхъ ослахъ, о какихъ-то мѣдникахъ, сапожникахъ, кожевникахъ; повидимому, онъ всегда твердитъ одно и то же, такъ что всякому ненаблюдательному и недалекому человѣку его разговоры легко могли бы показаться крайне смѣшными. Но стоитъ раскрыть ихъ и заглянуть въ ихъ внутреннее содержаніе, и сейчасъ же окажется, что они имѣютъ и глубокій внутренній смыслъ, насквозь божественны и содержатъ въ себѣ цѣлый рядъ достоинствъ,—словомъ, затрогиваютъ цѣлый рядъ предметовъ, чуть ли не все, что нужно имѣть въ виду всякому желающему сдѣлаться настоящимъ добропорядочнымъ человѣкомъ.

Вотъ, друзья мои, то, что я восхваляю въ Сократѣ. Въ своей рѣчи я указалъ также и то, за что я порицаю его, и я разсказалъ вамъ, какія обиды причинялъ онъ, и не только мнѣ, но и Хармиду [2]), сыну Главкона,

---

[1]) Т.-е. и самъ Сократъ и его рѣчи „несравненны".

[2]) Хармидъ—дядя Платона съ материнской стороны, красавецъ, аристократической фамиліи, интеллигентный человѣкъ съ этико-философскими запросами.

Эвтидему [1]), сыну Діокла, и очень многимъ другимъ, которыхъ онъ обманулъ, въ началѣ также прикидываясь ихъ любовникомъ, потомъ же, наоборотъ, самъ выступая въ роли возлюбленнаго. Объ этомъ и тебя предупреждаю, мой дорогой Агатонъ, чтобы и ты не попался въ ту же ловушку, но, наученный нашимъ горькимъ опытомъ, былъ насторожѣ, а не былъ подобно ребенку „крѣпокъ, какъ говорится, заднимъ умомъ".

XXXVIII. Когда Алкивіадъ окончилъ свою рѣчь, его наивная откровенность вызвала смѣхъ у всей компаніи, потому что онъ все еще казался влюбленнымъ въ Сократа. Тогда Сократъ сказалъ такъ: Мнѣ кажется, Алкивіадъ, что ты совсѣмъ не пьянъ, иначе ты не могъ бы такъ легко нести всякую околесицу, стараясь скрыть истинный мотивъ своей рѣчи, на который ты указалъ въ концѣ какъ бы мимоходомъ [2]), какъ будто бы единственной цѣлью твоей рѣчи не было желаніе поссорить меня съ Агатономъ. Вѣдь, ты воображаешь, будто я долженъ любить исключительно тебя одного, и будто Агатонъ долженъ быть любимъ только тобою и болѣе никѣмъ другимъ. Но тебѣ не удалось скрыть своей хитрости, и твоя сатиро-силеновская драма понята нами надлежащимъ образомъ. Поэтому, дорогой Агатонъ,

---

[1]) Сократъ настолько излечилъ его отъ самомнѣнія и тщеславія, что Эвтидемъ рѣшился никогда болѣе не разставаться съ Сократомъ. Этого Эвтидема не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ софистомъ Эвтидемомъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ платоновскихъ діалоговъ.

[2]) Конецъ предшествующей главы: „Объ этомъ и тебя предупреждаю, дорогой Агатонъ". Конечно, Сократъ говоритъ здѣсь шутя.

не дай ходу его козням и берегись, чтобы насъ не поссорили.—На это Агатонъ сказалъ: А ты, пожалуй, и правъ, Сократъ. Мнѣ сдается, что и расположился-то онъ между нами ради того, чтобы разлучить насъ. Однако, этимъ онъ ничего не достигнетъ: я все-таки приду и лягу возлѣ тебя.—Прекрасно, отвѣчалъ Сократъ, располагайся здѣсь, пониже меня.—О Зевсъ, воскликнулъ Алкивіадъ, и чего только мнѣ ни приходится терпѣть отъ этого человѣка! Онъ вездѣ желаетъ стать мнѣ поперекъ дороги. Въ такомъ случаѣ позволь ужъ, по крайней мѣрѣ, возлечь между вами.—Это невозможно, возразилъ Сократъ. Ты уже сказалъ мнѣ похвальное слово. Теперь очередь за мною говорить похвальное слово моему сосѣду съ правой руки. Если же Агатонъ ляжетъ ниже тебя, онъ, конечно, не пожелаетъ хвалить меня раньше, чѣмъ я похвалю его. Поэтому, дорогой мой, позволь притти сюда этому молодому человѣку и не завидуй ему въ похвалахъ, которыя я горю нетерпѣніемъ воздать ему.—Да-да, Алкивіадъ, сказалъ Агатонъ, оставаться здѣсь мнѣ не приходится, и я долженъ непремѣнно перемѣститься, чтобы выслушать себѣ похвальное слово изъ устъ Сократа.—Вѣчно одна и та же исторія, замѣтилъ Алкивіадъ. Гдѣ Сократъ, тамъ отъ красавцевъ не жди себѣ поживы никто другой. Вотъ и теперь какой легкій и умѣстный предлогъ подыскалъ онъ для того, чтобы Агатонъ остался возлѣ него.

XXXIX. Тутъ Агатонъ поднялся, чтобы помѣститься пониже Сократа. Но вдругъ цѣлая толпа гулякъ показалась въ дверяхъ и, найдя ихъ раскрытыми послѣ

чьего-то выхода, безцеремонно ввалилась къ нимъ и расположилась за столомъ на свободныхъ мѣстахъ. Все слилось въ одинъ невообразимый шумъ, и, при отсутствіи какого бы то ни было порядка, приходилось всѣмъ пить очень много вина. Поэтому,—разсказывалъ Аристодемъ,—Эриксимахъ [1]), Федръ и нѣкоторые другіе стали уходить по домамъ, имъ же овладѣлъ сонъ, и онъ проспалъ очень долго, такъ какъ тогда были ночи очень длинныя. Проснулся же онъ на разсвѣтѣ при пѣніи пѣтуховъ. Проснувшись, онъ замѣтилъ, что почти всѣ или спали или разошлись по домамъ. Не спали только Агатонъ, Аристофанъ и Сократъ и пили круговую изъ большой чаши, передавая ее одинъ другому справа налѣво, и Сократъ велъ съ ними бесѣду. Подробностей, разсказывалъ Аристодемъ, ихъ разговоровъ онъ не помнилъ, потому что онъ не присутствовалъ при нихъ съ самаго начала, да къ тому же онъ снова задремалъ. Суть же ихъ разговора сводилась къ тому, что Сократъ старался ихъ убѣдить, что одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ умѣть написать и комедію и трагедію и что основанія той и другой по существу одни и тѣ же [2]). Не будучи уже въ состояніи отъ дремоты слѣдить должнымъ образомъ за разговоромъ, они, скорѣе принужденные согласиться, нежели

---

1) „Благоразумнѣйшій сынъ благоразумнѣйшаго отца".

2) Положеніе Сократа въ данномъ случаѣ выполняетъ уже самъ Платонъ, написавшій свою величественную художественную драму Symposion, въ которой такъ удивительно переплетаются трагическій и комическій элементы. Въ новѣйшее время положеніе это особенно блистательно было поддержано великимъ Шекспиромъ.

убѣжденные, заснули, сначала Аристофанъ а потомъ когда уже было совсѣмъ свѣтло, Агатонъ. Сократъ же, когда они заснули, всталъ изъ-за стола и ушелъ, и онъ, Аристодемъ, по обыкновенію, послѣдовалъ за нимъ. Придя въ Лицей [1]), Сократъ умылся тамъ, провелъ остальную часть дня въ своихъ обычныхъ занятіяхъ, а потомъ подъ вечеръ отправился къ себѣ домой уже на покой.

---

[1]) Лицей, лежавшій на востокъ отъ Аѳинъ, сначала святилище Аполлона, заложенъ Пизистратомъ, расширенъ и обновленъ Перикломъ. Прежде здѣсь происходили военныя упражненія, впослѣдствіи была построена Ликургомъ гимназія, въ аллеяхъ которой такъ любилъ прогуливаться со своими учениками Аристотель. Лицей—любимое мѣстопребываніе Сократа.